

А
р
е
ф
к
и
н

Р
о
м
а
н

В лесной чаще

16+

Роман Арефкин
В лесной чаще

«Автор»

2018

Арефкин Р. В.

В лесной чаще / Р. В. Арефкин — «Автор», 2018

5 рассказов, пять фрагментов чьей-то жизни. Перелистывая страницы, читатель сам оказывается вынужден совершать путешествия через пространство и время, оказываясь в водах Индийского океана, исследуя таинственный остров, таящий опасности, погружаясь в лихорадочные сны - связующие звенья с грехами прошлого, ощущая себя в противостоянии с одержимым религиозной идеологией обществом, спасая умирающий от эпидемии город, открывая для себя тайны человеческой натуры, постоянно наблюдая за тем, как люди оказываются вынужденными совершать поворот в своей судьбе...

© Арефкин Р. В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	58
-----------------------------------	----

Введение.

Едва ли кто из читателей усомнится в правоте суждения, утверждающего различие самой природы между рассказом и романом. Помимо совершенно очевидных отличий, выражающихся в измеряемых величинах, рассказ столь разительно отличается от романа ещё и в силу своего особенного духа, формирующегося в условиях более сжатой, по объёму, конструкции.

Читатель, оказавшись перед текстом, в том случае если прочтение сможет увлечь его мысли и внимание, неминуемо ощутит особенности рассказа, как формы повествования истории. Сравнивая чтение с прогулкой в лесу, как уже неоднократно поступали мастера публицистического жанра, очень быстро приходишь к осознанию того, что прочтение романа сродни неторопливой прогулке по лесу, где каждый элемент пути выстилается перед тобой таким образом, чтобы читателю невозможно было «оступиться», незаметив неожиданного препятствия на пути, или свернув «не туда». Однако, такая прогулка уже сама по себе подразумевает длительный характер с перспективой обозрения большого числа мест и событий. Торопиться путнику некуда, не потому что ему больше нечего делать, а потому, что ещё до того, как он переступил порог этого пространства, он уже отдавал себе отчёт в том, что его путь будет длиться не один день.

В случае с рассказом, такая «прогулка» представляется совершенно по-иному. Незадачливый путник, оказавшись в этом «лесу» впервые, едва ли подозревает, когда именно закончится избранный им маршрут. Разумеется, он понимает, что это будет скорее осторожное и напряжённое путешествие, в котором в любой момент может произойти что-то, что, так или иначе, повлияет на весь маршрут. От случайных ухабов и поворотов «не туда» здесь уже никто не застрахован. Но несёт ли кто-либо ответственность за то, что каждый конкретный читатель неминуемо встречает на своём пути?

В своей работе «Роль читателя» знаменитый профессор семиотики миланского университета Умберто Эко писал о текстах следующее: «Тексты – это ленивые механизмы, которые всегда просят других взять на себя часть их работы»

В этой, незамысловатой на первый взгляд, фразе заключён потрясающе глубокий смысл, раскрывающий природу того таинственного процесса, который происходит в сознании читателя, когда он остаётся с текстом «tête-à-tête». Во многом переживание сюжета это уже вопрос частной интерпретации, однако трудно не согласиться и с тем, что от изначально-проделанной работы автора зависит не мало. Отсутствие весьма конкретных описаний того или иного явления в работах Франца Кафки, к примеру, позволяет миллионам читателей со всего мира, с самыми различными культурными «бэкграундами» воссоздать свой собственный «замок», или же по-своему увидеть как преобразилась внешность Грегора Замзы.

Таким образом, становится очевидным, что роман и рассказ, при всех своих различиях, метрических и ментальных, имеют, по крайней мере, одно общее свойство – они нуждаются в участии читателя, чтобы обрести способность оживить хранящиеся в них потенциалы.

При написании каждого из рассказов, вошедших в эту книгу, мне пришлось пережить абсолютно новые ощущения, встретиться с качественно новыми препятствиями на пути текста. И трудности мои вовсе не ограничивались одной только необходимостью оставаться в рамках объёмов рассказа. Пытаясь передать историю в форме именно рассказа, а не целого романа, заставляет «ткать» качественно другую материю текста.

В конце-концов, каждый представленный в данной книге рассказов, не такой уж и короткий. Я сам затрудняюсь сказать, существует ли какая-либо сюжетная связь.

Как и в других моих работах, я пытался совместить рассказываемую историю с историческими фактами, о которых не часто можно услышать в повседневной жизни, поскольку они выпадают из современной, беспощадной конъюнктуры. Я же меж тем, на скромных правах автора, продолжаю верить в тот принцип, что многое из того, что люди сегодня забывают, может легко стать предметом неподдельного интереса, если только получит соответствующее нарративное оформление.

Всякий исторический факт, лёгший в основу сюжета каждого из представленных в этой книге рассказов, имеет собственную сноску с пояснениями. Это не просто справочная информация, а скорее связующим мостком между миром существующим в объективной действительности, частью которого мы все являемся, и того «леса» прогулка в котором вам теперь предстоит.

Отправляясь в этот путь, ни один из вас не нуждается более в моих назидательных словах. Просто перелистните страницу, и сделайте первый шаг....

За недоступным горизонтом.

Пьер проснулся и не сразу сообразил, где он находился. Осмотревшись вокруг, просканировав взглядом окружающее его пространство, он понял, что визуального анализа будет явно недостаточно, чтобы восстановить картину недавно произошедших с ним событий.

Тогда он прикрыл глаза, и сделав глубокий вдох, позволил своему обонянию частично взять на себя функцию зрения, анализируя пространство. В воздухе пахло пряностями, и этот запах, уподобившись театральной кулисе, должен был маскировать тяжёлый запах жаренного мяса.

Теперь настал черёд слуха. То, что слышал Пьер, едва могло бы ему помочь разобраться в ситуации, ведь где-то там, за пределами тесного пространства в котором он оказался, сразу несколько голосов о чём-то оживлённо дискутировали. Звуки непонятной, инородной речи часто сопровождалась хлёсткими шлепками – собеседники делали какие-то экспрессивные жесты, очевидно, чтобы подчеркнуть значимость сказанных ими слов.

Пьер находился в небольшой комнатухе, заваленной всяким хламом, типа свёрнутых в рулоны занавесок, ковров и каких-то ещё тряпок. При ближайшем рассмотрении, мужчина обнаружил, что тряпками были сари – традиционные женские платья в Индии.

– Сари! – воскликнул Пьер, держа в руках одно таких одеяний, которое имело ярко-жёлтый цвет – Я что, в Индии?

Заставив свой мозг совершить ещё одну попытку извлечь хоть какие-то воспоминания, Пьеру удалось вспомнить, как двумя днями ранее он, сидя за своим рабочим столом, в уже ненавистном ему офисе, под самый конец рабочего дня, получил сообщение от своего руководителя о предстоявшей беседе с глазу на глаз.

Разговор состоялся на следующий же день, и из этого разговора Пьеру стало ясно, что его компания, занимавшаяся шатким посредническим бизнесом между Европейскими торговыми компаниями и южной Азией, была вынуждена направить в Кашмир своего представителя для физического присутствия при проведении арбитражного урегулирования одного спорного вопроса, связанного с поставками какой-то текстильной продукции в Париж.

« – И дело даже не в том, что регион продолжает оставаться беспокойным, – увещевал руководитель Пьера – ты поедешь туда не как частное лицо, а как представитель французской торговой компании, а это, мой дорогой, уже статус, понимаешь? »

Пьеру хотелось отрицательно покачать головой, поскольку он с трудом представлял себе о каком таком статусе вёл речь его начальник, и как этот самый «статус» мог помочь ему в регионе, длительное время раздираемом индийско-пакистанской междоусобицей. Однако, всякий раз, когда его начальник начинал говорить тоном, подобным тому, которым он говорил теперь,

Пьер предпочитал воздерживаться от споров, по крайней мере, до тех пор, пока руководитель не заканчивал излагать свою мысль.

«— Мне кажется, — позволил себе, наконец, заговорить Пьер — что в нашей организации я всегда был среди тех немногих сотрудников, кандидатуры которых неизменно стояли в последних рядах, при выборе кандидата на заграничную командировку»

— Вздор! — фыркнул руководитель, раздувая пухлые, обвисшие щёки, уподобляясь при этом кузнечным мехам — Все учатся, набираются опыта. Кому-то нужно больше времени, кому-то меньше. Ты созрел, Пьер, этот твой шанс!»

— Но ведь уже новый год наступает, — робко заметил Пьер, переводя взгляд от лица руководителя на настенный календарь, висевший на одной из стен кабинета — Праздничные дни и...

— Вздор! — снова, но уже более громким голосом, проговорил руководитель — Новогодние выходные дни предназначены, по сути, для людей семейных. А у тебя, как мы все знаем, нет «ни котёнка ни ребёнка» и тебе сам бог велел отправиться в это путешествие!

По правде говоря, руководитель был не далёк от истины, подчёркивая одинокий образ жизни Пьера, который мужчина вёл уже чуть больше года, после расставания с девушкой, с которой до этого он прожил почти-что три года. Но вот чего, по-видимому, не принимал в расчёт руководитель, так это мнение Пьера и то обстоятельство, что он уже несколько последних недель встречался с одной особой, в которой души не чаял, и которой уже успел пообещать превосходные праздничные выходные.

«— Послушай, Пьер, дружище! — руководитель опёрся кулаками о стол и серьёзно поглядел на подчинённого — Я прекрасно понимаю, что это «гром среди ясного неба», но и ты пойми меня правильно, кроме тебя, я никого не могу туда отправить, у нас две трети сотрудников — женщины, а мужчины все семейные и с детьми.

Пьер некоторое время смотрел на руководителя, внимая его доводам, которые, чем дольше над ними приходилось задумываться, всё более бессмысленными становились.

Наконец Пьер, набравшись смелости, сказал:

— У меня, знаете ли, тоже есть свои обязательства... — он намеривался изложить свою позицию таким образом, чтобы его руководитель получил в качестве ответа недвусмысленный намёк на то, что в кое-то веки Пьер не был намерен позволять руководству себя использовать. Однако руководитель не позволил мужчине закончить.

— Ты, разумеется, вправе отказаться! — как-бы между прочим заметил руководитель — И я не имею никаких административных рычагов принуждать тебя к этой поездке, однако пойми меня правильно, твои отношения с коллективом на этой работе могут сильно ухудшиться, если ты решишь пойти на принципы в такой важный момент!

Пьер понимал, что при всей своей правоте, в данной ситуации решающим фактором оказывался именно административный ресурс руководства.

Он не дал своего устного согласия, однако и отказ он не озвучил, попросту покинув кабинет руководителя и вернувшись на своё рабочее место, где взгляды его коллег ещё некоторое время не оставляли его в покое.

Тем же вечером у Пьера состоялся разговор с Амили, и девушка была вне себя от гнева. Во-первых, её разозлило то, что Пьер столь поздно сообщил ей о изменении планов на ближайшие праздничные дни. Во-вторых, ей совершенно не нравилось, что помимо низкой зарплаты, сомнительного профессионального статуса и карьерных перспектив, Пьер был вынужден мириться ещё и с произволом своего руководства.

Мужчина молча выслушивал, как девушка приводила один за другими доводы, в пользу того, насколько он сам не являлся «хозяином собственной жизни» И если, сперва, Амили ещё сдерживалась в речевых оборотах, стараясь смягчать наиболее острые моменты, то в виду отсутствия каких-либо возражений со стороны Пьера, девушка обвинила мужчину в малоду-

пии и бесхарактерности, увенчав этот «многослойный торт из эпитетов» своего рода «вишенкой» в виде обвинения в безамбициозности.

Пьер наблюдал за тем, как девушка, наконец-то испытал некое удовлетворение от возможности высказаться, замолчала и присев в кресло в противоположном углу гостиной, принялась отправлять какие-то сообщения на своём смартфоне. Сперва, она делала это не торопясь, нарочито медленно и демонстративно, словно пытаясь спровоцировать Пьера на какую-либо реакцию. Однако, мужчина испытывал только лёгкую раздражительность, связанную главным образом с тем, что просыпавшиеся на него обвинения, в каком-то роде, имели под собой основание.

Позволив себе ненадолго задуматься над тем, что ему только что сказала Амили, Пьер «вернулся в реальность» когда девушка стала громко разговаривать по телефону, выйдя в прихожую. Из услышанного, Пьер понял, что Амили разговаривала с каким-то своим другом или знакомым, он был, судя по всему, мужского пола. Девушка заливалась непродолжительным, но нарочито громким смехом через каждые несколько фраз.

«— Хуже всего – думал про себя Пьер – может оказаться лишь то, если ты разговариваешь сама с собой»

Мужчина вытащил из кармана собственный телефон и набрал вызов номера Амили, полагая, что таким образом он сможет убедиться в своём доводе, относительно манипуляций девушки. Однако, уже через пару секунд Пьер услышал короткие гудки, свидетельствовавшие о том, что линия действительно была занята. Отменив вызов, мужчина поднялся со своего места и вышел в прихожую. Амили уже заканчивала разговор словами:

«— Извини, что так вышло, просто с этой работой всё с ног на голову, сам понимаешь! Но теперь всё уже позади, можно и «оторваться»! А Хеллен с вами тоже поедет...?»

Пьер улыбнулся, представляя себе, какие эмоции он бы испытал, если бы прямо сейчас нашёл в себе достаточно решимости, чтобы открыть входную дверь и вытолкнуть Амили из прихожей, выкинув её чёрное, элегантное пальто ей вдогонку. Однако, мужчина дождался, когда девушка закончила разговор и коротко, без лишних подробностей, объявила ему, что у неё теперь тоже появились другие планы, и что в отличие от него, она не намеривалась позволить кому либо испортить её праздничные выходные.

Затем Амили ушла, а Пьер принялся собирать вещи, вылет его рейса был назначен на полночь.

— Так вот оно.... – пробормотал Пьер, уже выпрямившись в полный рост и растирая ладонями лицо.

Наконец он вспомнил почти-что всё, что минуту назад оставалось в тени его сознания. И как только цепочка фактов была восстановлена, мужчина будто ужаленный, подскочил на месте и бросился к тому, обёрнутому многими слоями тряпок шезлонгу, служившему ему местной койкой. Без труда приподняв не тяжёлую конструкцию, мужчина вытащил из-под неё один из трёх рюкзаков. С первого взгляда было ясно, что рюкзак, который он вытащил, был под завязку набит чем-то очень тяжёлым.

Расстегнув клапан горловины рюкзака, мужчина тут же запустил внутрь руку. Его ладонь легла на тёплую, нагретую окружающим воздухом, шершавую поверхность.

В руке у Пьера был один из самородков чистого золота. Размер самородка был таковым, что он едва вмещался в ладонь мужчины, а его вес заставлял Пьера напрячь руку, чтобы удерживать его перед лицом некоторое время.

— Мистер Баллорд... – растерянно произнёс Пьер, не отрывая взгляда от удерживаемого в руке самородка, как если бы образ человека, возникший в его памяти, можно было увидеть в драгоценном металле.

Двумя днями ранее Пьер сошёл с трапа самолёта в аэропорту Кашмир. Пьера встретили двое неприветливых мужчин с тёмно-коричневым цветом кожи. Лица этих людей, из-за многочисленных глубоких морщин, напоминали мятый пергамент.

Мужчины были одеты одинаковым образом, в светлые штаны и рубахи, которые приобрели коричневый оттенок из-за длительной нестиранности.

Пьер понял, что именно эти люди должны были забрать его из аэропорта. У них была не большая картонная табличка с его именем, написанным крупными чёрными буквами. Пьер поприветствовал встречавших его мужчин, стараясь выказать им своё радушие, однако в ответ он получил лишь скупое рукопожатие.

Вскоре, в полном безмолвии, Пьер ехал в душном салоне легкового автомобиля марки, какую он никогда не встречал и о существовании которой никогда не догадывался. Всё его внимание было поглощено сумасшедшей суматохой творившейся снаружи, здесь с трудом можно было разобраться в направлениях дорожного движения, в правилах, которыми руководствовались водители, управлявшие как обычными, для данной местности, легковыми автомобилями, так и причудливыми мотороллерами с широкими кузовами для транспортировки всего, что только могло туда поместиться.

Пьер пришёл к выводу, что его поездка в Кашмир оказалась не такой уж плохой идеей. С одной стороны, неприятная сцена с Амили положила конец отношениям, которые зиждились на лицемерии и не могли, по идеи, привести ни к чему хорошему, с другой стороны все знакомые и коллеги Пьера регулярно ездили за границу в качестве туризма. Часто, люди утверждали, что подобные туристические путешествия были для них некой формой расширения кругозора. Однако Пьер понимал, что кругозор расширить очень сложно, если по прибытию в туристические центры, человек заселяется в фешенебельную гостиницу, при которой уже находится искусственный пляж, бассейн и зона отдыха. А единственные маршруты за пределы этой рукотворной зоны комфорта ограничиваются регулярным шопингом в торговые центры под строгим присмотром гидов.

Теперь же, сам Пьер оказался в стране, куда не ступала нога ни одного из его знакомых и при упоминании о которой у большинства обывателей пробежали мурашки по коже. Ещё вчера Пьер сам рисовал себе картины того, как выглядит Кашмир, представляя себе однотипные многоэтажные дома с выбитыми окнами, улицы, условно разделённые между индийскими и палестинскими силами, а также банды никому не подчиняющихся головорезов, вынужденных бороться за своё существования путём мародёрства.

Глядя из окна автомобиля, скорость которого увеличивалась пропорционально тому, как сокращалось количество плотной жилой застройки, Пьер не мог не вспомнить о муравейниках, которые ему доводилось видеть в детстве, когда он ещё жил со своими родителями в Артуа. Тогда, будучи ребёнком, натываясь на муравейник в лесу неподалёку от посёлка, он не мог пройти мимо, не остановившись и не всмотревшись вглубь замысловатого строения. Миллионы опавших когда-то хвойных иголок, веточек и остов от листьев, были сложены в солиднейшую конструкцию, ставшую живым домом для огромного количества муравьёв, деловито сновавших во всех возможных направлениях, занятых своими работами. Пьер вдруг вспомнил, как тогда, в детстве, он пытался всмотреться между всеми этими перекрытиями, служившими муравьям одновременно стенами их дома и тропами, по которым они могли перемещаться. Там, в образовавшихся ходах, даже при свете самого яркого солнца, оставалось темно и насколько Пьер мог знать, в муравейнике поддерживалась собственная, особая температура. Однажды, наткнувшись на особенно крупный муравейник, Пьер склонился над ним, и после нескольких минут пристального наблюдения, он вдруг ощутил, как его сознание словно отделилось от его тела и устремилось по одному из сотен тысяч извилистых ходов муравейника, туда, к самому центру. Он пролетал, огибая очередную выступавшую на пути перекладину – тростинку, едва успевая заметить сновавших повсюду муравьёв. Он замечал, как менялись

обитатели муравейника по мере того, как он углублялся к центру строения. Работяг, известных поверхностному уровню, сменили войны, с большими головами и огромными челюстями. Пьеру казалось, будто войны смотрели на него с некоторым подозрением, они явно были не в восторге от незваного гостя, особенно учитывая направление, в котором он мчался. Но они не могли ничего поделать, он мчался с такой скоростью, что при всей своей расторопности, муравьи не могли бы состязаться с сознанием Пьера, к тому же, сознание не имело никакой материальной оболочки, которой челюсти воинов могли бы навредить. Наконец, и войны остались позади, их сменили ещё более грозные, но гораздо более малочисленные стражи, и появление этих представителей сословного общества, устраняло всякие сомнения Пьера относительно того, куда он двигался.

Внезапно, за очередным, особенно крутым поворотом, замедляя своё нисхождение, сознание Пьера ворвалось в сферическую полость, сердцевину муравейника, то самое место, куда так отчаянно пытался добраться взгляд мальчишки.

Здесь, в крошечной темноте, сознание некоторое время пребывало словно в подвешенном состоянии, пытаясь привыкнуть к окружающему пространству и нащупать утраченную способность различать объекты. Внезапно, то, что сперва воспринималось пустотой, пришло в движение и напротив Пьера возникла муравьиная голова с двумя фасеточными глазами и парой длинных антенн, уходящих в противоположное друг от друга направление. Челюсти создания были совершенно другими, и не имели ничего общего с мандибулами всех остальных жителей муравейника. Казалось, что эти челюсти не могли выполнять работу, разламывать твёрдые предметы или использоваться в качестве грозного оружия. Туловище создания было точно таким-же, как и у других муравьёв, за исключением только лишь большего размера. А вот брюшко у этого обитателя глубин представляло из себя огромную, непропорционально-огромную по отношению ко всему остальному телу, белёсую, пульсирующую массу.

Тогда Пьер понял, что перед ним была королева-матка, та, ради которой возводился весь муравейник и та, на которую работали миллионы других жителей муравейника.

Её морда некоторое время смотрела прямо на Пьера, а затем её челюсти несколько раз двинулись, и гость увидел невообразимую картину, в которой отразились видения сразу всех жителей муравьиной колонии, с их повседневными заботами, тревогами и небольшими радостями. Пьеру не понадобилось много времени, чтобы понять, что это был совершенно другой муравейник, ведь вместо лесного мусора, травинки, веточки и прочего, привычного для муравьёв строительного материала, местные жители таскали необработанные куски золота. При этом, сами муравьи обитали, судя по всему, не в муравейнике, по крайней мере не в таком, какие Пьер привык видеть в лесу. Вместо сотканных из лесного материала стен, здесь кругом были стены из плотного песчаника, в котором были прорезаны многочисленные ходы.

Внезапно видение Пьера оборвалось, когда он почувствовал, как кто-то расталкивает его в плечо и при этом безостановочно о чём-то говорит. В слепивших лучах солнца, мальчишка увидел свою мать, которая с встревоженным видом нависла над ним.

Его мать уже не в первый раз заставляла его в состоянии ни то бодрствования, ни то сна. Доктора говорили, что всему виной врождённая аномалия развития какого-то участка в мозге мальчишки, из-за чего тот мог внезапно засыпать посреди какой-либо деятельности. Некоторые, особо рьяные поборники медицины утверждали, что ребёнка следовало определить в коррекционное учреждение, поскольку с таким недугом у него было очень мало шансов преуспеть в жизни, да и к тому же, было опасно оставлять Пьера одного. Однако мать и слушать ничего не хотела, продолжая водить сына в сельскую школу для обыкновенных детей, строго настрого запретив ему рассказывать кому либо о своих видениях. Пьер не слушивался материнских наставлений.

Когда его матери не стало, Пьеру было двенадцать лет, однако его отец всё равно решил держать в тайне от сына обстоятельства гибели матери, отделяясь скупыми фразами о том,

что она, стало быть, погибла в несчастном случае, случившемся на железной дороге, на станции Витри-ан-Артуа. Однако, как бы не пытался Пьер прояснить обстоятельства этого дела, ему ничего не удавалось узнать, и поскольку, уже повзрослев, он так и не смог найти даже тех сведений, которые бы констатировали факт самого происшествия, Пьер обвинил отца во лжи. После очередной словесной баталии, отец Пьера попросту приказал сыну оставить его в покое. Ещё несколькими неделями позже, когда поутихшие страсти всё же позволили сыну вновь оказаться на пороге дома отца, он обнаружил, что тот исчез. Старик оставил своё жилище, и большинство личных вещей, взяв с собой только самое необходимое и больше его никто не видел. Один из соседей, проживавших в том же доме, что и отец Пьера, утверждал, что в день, когда старика видели в доме в последний раз, он выглядел вполне себе счастливым. Все попытки узнать, куда ушёл отец, оказались тщетными. Так Пьер остался в этом мире наедине со своими видениями, природа которых никогда не доставляла ему особых проблем. В те, непродолжительные, периоды своей жизни, когда ему удавалось установить близкие отношения с женщинами, его недуг отступал, словно вытесняемый вниманием, которым Пьера одаривала та или иная девушка. Но стоило очередным отношением рассыпаться, и обмороки вновь приходили к мужчине. Со временем, Пьер сделал их чем-то вроде неотъемлемой части самого себя и перестал расценивать как недуг. Более того, те редкие дни, когда бы его сознание не находило нескольких минут на то, чтобы совершить путешествие к неизвестным пределам, Пьер расценивал как нечто-то из ряда вон выходящее и проявлял дополнительную осмотрительность.

Вот и теперь, глядя через окно пассажирского места легкового автомобиля, мужчина видел в окружающей его среде что то, что роднило эту среду с муравейником. Ему даже хотелось поделиться своим наблюдением с двумя мужчинами, сидевшими на передних местах, но в очередной раз посмотрев на выражение их лиц, Пьер понял, что в этом не было смысла.

Последующая встреча, ради которой Пьера и прислали в Кашмир прошла в обстановки напряжённости, навеянной не столько торговыми отношениями двух сторон, которые осуществляли свою деятельность через компанию в которой работал Пьер, сколько местной ментальностью.

Встреча проходила за городом, в частном доме, некогда целиком принадлежавшим одному местному промышленнику, которого разорила война, и который теперь был вынужден работать на несколько направлений.

К собственному удивлению Пьер обнаружил, что мужчины, привёзшие его на встречу, вовсе не были подчинёнными владельца кашемирового цеха.

Владелец цеха был мужчиной старшего возраста, хотя из-за специфической внешности, все люди в этой местности выглядели несколько старше своих лет. Мужчину звали Кхамап, он носил просторные светлые одежды, которые тоже, судя по их внешнему виду, не часто знавали стирку.

Кхамап оказался куда более разговорчивым, нежели непонятные люди, работавшие при нём.

– Эти люди не мои подчинённые. – объяснял Кхамап, когда из-за опоздания второй стороны переговоров было решено перенести встречу на час и это время хозяин большого дома использовал, чтобы познакомиться с Пьером – Они работают на одного человека из индийской группы влияния, если вы понимаете о чём я говорю.

Сказав это Кхамап широко улыбнулся не размыкая губ, заставляя свои толстые щёки напрячься и собраться в плотные бугры в районах скул.

– Они бандиты, про которых я читал, прежде чем приехать сюда? – наивно спросил Пьер, смущаясь своего вопроса – Знаете, у нас в компании далеко не всякий горел желанием сюда приезжать.

– Ну что вы, что вы! – продолжал улыбаться Кхамап, пока они шли по длинному, пустынному коридору, вдоль которого было много дверей, ведущих в комнаты, остававшиеся пусты-

ющими и сильно запылившимися – У нас здесь их называют группами влияния. Видите ли, Кашмир остаётся довольно спорной территорией и Индия с Пакистаном не перестают периодически выяснять свои локальные, геополитические отношения. Однако никто из них не может на долго оставаться у «штурвала». Мы вынуждены полагаться на те силы, которые могут себе позволить постоянно находиться здесь.

– Вы добровольно идёте на эту уступку, или же... – Пьер не нашёл подходящих слов, чтобы закончить свой вопрос, однако Кхамап прекрасно его понял.

– Скажем так, я бы прекрасно себя чувствовал и без них, если бы не знал, что в их отсутствие придут другие, которые могут захотеть работать на более невыгодных для нас условиях. Это очень тонкая материя, мой друг.

– Этот ваш бизнес с кашемиром, – говорил Пьер – это же не единственная ваша деятельность. Объёмы экспорта довольно незначительны, чтобы сделать вас столь заметной фигурой.

– Вы абсолютно правы. – подтвердил Кхамап – Здание в котором мы теперь находимся, некогда принадлежало моей семье и мы проживали в нём, встречая гостей из Великобритании, устраивая приёмы для видных политических деятелей. Однако те времена прошли, и теперь я оказался вынужден использовать излишние площади под самые, порой даже весьма непотребные, вещи.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, например, нижние этажи я сдаю в качестве складских помещений. Несколько залов было переоборудовано под конференц-залы и миттинг-румы, которые также предоставляются за разумную плату, но эта услуга не пользуется особой популярностью. Ещё я превратил отдельное крыло здания в гостиницу, там останавливаются люди, прилетевшие в Кашмир и желающие оставаться подальше от шумного и беспокойного города.

– И как часто у вас останавливаются постояльцы? – полюбопытствовал Пьер.

– Бывает, бывает. – задумчиво ответил Кхамап – Вот прямо сейчас один такой остановился в одном из номеров.

Пьер удивился, ему с трудом представлялось, что кто-то мог специально приехать сюда и остановиться в таком месте, где по сути постоянно слонялись бандиты. Мужчина подумал, насколько ему бы удалось чувствовать себя комфортно в подобной обстановке. Особенно Пьеру стало не по себе, когда после очередного упоминания про людей из индийской группы влияния, Кхамап признался, что некоммуникабельность тех двух угрюмых типов, привёзших Пьера из аэропорта, объяснялась тем, что им некогда отрезали языки.

– О, это не приятная история, скажу я вам! – заявил Кхамап, хотя судя по всему его виду нельзя было сказать, будто бы он испытывал сильные негативные эмоции.

Пьер сам не понимал почему но упросил мужчину рассказать ему поподробнее о случившемся. Кхамап без задних мыслей поведал гостю о том, как некогда эти двое, будучи участниками группы, занимавшейся вопросами поставки каких-то, «особых» товаров, попали в поле зрения другой группы влияния, что повлекло за собой столкновения и гибель многих вовлечённых людей. Впоследствии, один из высоких чинов группы влияния учинил суд над подозреваемыми, но оба мужчины мастерски изворачивались в попытках отвести от себя обвинения. Они указывали друг на друга и приводили всевозможные доводы в свою пользу, свидетельствуя друг против друга. Тогда, выступавший в качестве судьи головорез, принял не простое решение и приговорил сразу обоих мужчин к усечению языка. Разумеется, после этой экзекуции, мужчины стали бесполезны на тех позициях, на которых они до этого работали и их перевели на позиции охранников для Кхамапа.

– Они охраняют меня, мой дом. Выполняют некоторые мои просьбы, если это имеет дело с их выгодой. – пояснял Кхамап.

– А почему тогда они встречали меня в аэропорту? – спросил Пьер.

– От того, как пройдут предстоящие переговоры, определится судьба одного из источников моих доходов. – отвечал Кхамап – Это важно для группы влияния.

Пьер уже успел кивнуть, давая понять, что он понимал этот принцип, однако хозяин дома не спешил прекращать говорить.

– Это важно для них, а следовательно и для меня.

Повисшая в воздухе пауза действовала на Пьера гнетущим образом. Многозначительность, которой веяло от произнесённых слов, не давало мужчине покоя, пока он, в конце концов, не спросил:

– Что вы, всё-таки, имеете в виду? – задавая этот вопрос, Пьер остановился, чем заставил хозяина дома тоже прекратить движение – Они вам угрожают?

Кхамап вновь улыбнулся, но на этот раз не столь широко, и его глаза уже не блестели, в них отразилась тень страха.

– Вы до конца не понимаете местного уклада, мой друг. – констатировал Кхамап – Мы здесь не живём, а скорее выживаем. И наше выживание зависит от того, насколько тесно мы кооперируемся, нравится нам это или нет. Если с кашемировым бизнесом что-то пойдёт не так, и мы потеряем существенную часть дохода, я могу стать не нужен группе влияния, но допустить, чтобы ко мне пришли другие, пусть и за меньшей долей, нынешняя группа не может.

Пьер обомлел, поскольку до него только теперь дошло, какое значение имели предстоящие переговоры. В этот момент он проклял своего руководителя, вспоминая вечер, когда тот объявил о предстоявшей командировке.

– Вы же не хотите теперь сказать, – заговорил после непродолжительного молчания Пьер – что от моих усилий зависит ваша жизнь!

Кхамап только покачал головой, не избавляясь от своей дурацкой ухмылки.

– Моя судьба принадлежит вовсе не вам, мой друг, и не вам её решать, разумеется. Однако, если я не ошибаюсь, вы атеист. – сказав это Кхамап взглядом указал на шею и грудь Пьера, явно подчёркивая отсутствие какого либо атрибута принадлежности к какой-либо религиозной конфессии.

– В таком случае, – продолжил хозяин дома – в ваших руках, как вы любите говорить, находится только ваша собственная жизнь.

Кхамап продолжил двигаться прогулочным шагом по коридору, который после очередного поворота вышел на террасу с большими белыми колоннами. Пьер остался стоять на своём месте, пытаясь понять, не ошибся ли он, понял ли он верно слова хозяина кашемирового цеха.

« -Если предстоящие переговоры будут провалены, то эти головорезы непременно сочтут, что в том есть моя вина и разделаются со мной. Но я же никогда не проводил подобные переговоры! Я же не...»

Пьер был только в самом начале самоуверенности, когда его внимание привлёк мужчина, европейской внешности, прошедший в противоположном ему направлении через террасу.

– Извините... – растерянно проговорил Пьер в след удаляющемуся мужчине, чем заставил незнакомца остановиться и повернуться к себе лицом.

Это был мужчина годов сорока, со светлыми волосами, среднего телосложения и не особо высокого роста. Он был одет в комплект походной одежды песчаного тона, рубаха и штаны которой имели большое количество различных функциональных карманов. Над правым нагрудным карманом была полоска, на которую некогда крепился лейбл с именем, на подобие того, как это делалось на военной форме.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросил мужчина, подбоченившись и глядя прямо на Пьера.

– Извините, – повторил мужчина – я не знал, что здесь есть кто-то ещё...ну... не из местных.

Словно взвесив услышанное, мужчина в походной форме улыбнулся.

– Вы имеете в виду, что здесь ещё есть иностранцы типа вас, да? Это вы имеете в виду?
Пьер кивнул.

– Да, здесь такое увидишь не часто теперь. Но, честно говоря, я сам уже завтра утром «снимаюсь с якоря», так сказать. Это была временная заминка в пути.

– А могу я узнать, куда вы направляетесь, – спросил с неожиданной, для самого себя, непринуждённостью Пьер – и каким транспортом?

Таинственный собеседник вновь улыбнулся, затем подошёл к Пьеру и пристально осмотрел его сверху донизу.

– Вы, наверное, тот француз, которого здесь уже несколько дней ждали. Верно?

Пьер ничего не успел ответить.

– Да, верно-верно! – мужчина сам ответил на свой же вопрос – Вы тот самый парень, из-за которого здесь сыр-бор.

И вновь Пьер почувствовал себя неспокойно.

– Меня зовут Вильгельм Баллард. – мужчина протянул Пьеру руку – Я архео-энтомолог, провожу собственное исследование в этих краях.

Переваривая информацию, Пьер попробовал на вкус сложное название специальности Балларда, и мужчина поспешил ему на помощь.

– Архео-энтомолог, я изучаю реликтовые, как правило, вымершие виды насекомых. Однако в эти края меня привёл несколько иной предмет исследований.

Выйдя на террасу, мужчины оказались под открытым небом, ощущая на себе воздух, сделавшийся прохладным, что придавало дополнительный контраст после долгого знойного дня.

– Меня привела сюда теория, над которой работали сразу несколько моих коллег. – немного притихшим голосом и периодически оглядываясь по сторонам, стал рассказывать Баллард – Их исследования сошлись на стыке географии, истории и минералогии, такая вот гремучая смесь из научных дисциплин, привлекавшая внимания нашей организации. Надо сказать, что только двое моих коллег были одержимы этим энтузиазмом, в то время как остальные научные сотрудники относились к их затее скептически. Речь идёт о одиноком, уединённом острове, что расположен в Индийском океане, на юге от континента. Этот остров представляет собой малопригодный для жизни клочок суши, покрытый песчаником и редкой, примитивной растительностью. На современных картах и в навигационных системах этот остров даже не имеет нормального названия, довольствуясь кодовым обозначением, всё дело в его незначительности и отсутствии всякого интереса к нему. Формально остров принадлежит Индии, и один из моих коллег впервые столкнулся с ним, изучая некоторые старинные документы, составленные ещё на санскрите. В давние времена, Индия использовала этот остров в качестве места исполнения высшей меры наказания. Вместо того, чтобы умертвлять преступника, определённую категорию осуждённых просто высаживали на том острове и оставляли без каких-либо средств к существованию. Дальше, дневная жара и ночной холод уже делали своё дело, едва ли несчастный мог дотянуть до того момента, когда бы он умер от голода или жажды. Однако, что не менее интересно, этот остров несколько раз был посещён рядом малоизвестных исследователей вод Индийского океана европейского происхождения. И в своих отчётах, эти первопроходцы Западного мира описывали этот остров досконально, что было сделать не сложно из-за простоты его природного устройства. И здесь, мой коллега впервые наткнулся на одну любопытную деталь. Ни один из более-менее поздних исследователей, давая описания острову, не указал на какие-либо признаки наличия человеческих останков.

Пьер развёл руками, слабо понимая, на что именно должно было указывать данное наблюдение.

– Ну как же! – едва не воскликнул Баллард – Индия использовала этот остров в качестве места столь специфической казни столетиями. Раджи и священнослужители культа при-

давали острову сакральное значение, строго-настрого запрещая своим людям ступать не его берега, однако, когда свободные от предрассудков исследователи прибыли на этот остров, то они не обнаружили никаких признаков многовекового умерщвления. Тогда то, наш коллега, обнаруживший эту деталь, предпринял самостоятельную экспедицию на остров. Ему потребовалось не так много времени, прежде чем он вернулся обратно, на порог нашей организации, уже совсем другим человеком. Его стали расспрашивать о том, что же он там обнаружил, и то, что он рассказывал, фактически разбило нас на два лагеря. Большинство закоренелых профессоров тут же нарекли моего товарища лжецом, другие утверждали, что он попросту потратил деньги, позволив себе вольности бесконтрольных усад жизни в Индии, и теперь плёл околесицу, чтобы только сделать вид, будто он действительно что-то видел. Но самые преданные его товарищи, включая и меня, ни единого дня не сомневались хотя-бы в необходимости самостоятельно посетить остров. Мы собрали нужные средства и установили доверительные отношения с нужными людьми. Вскоре состоялась наша экспедиция. Экстравагантные истории нашего товарища о том, что же он увидел на острове, подстёгивали интерес моих близких коллег, профессора Пибоди, талантливого минеролога, и господина Рольфа, выдающегося географа. Моя же интерес лежал за пределами профессиональной сферы, я не мог упустить возможность побывать на Цейлоне. Однако, когда мы достигли пункта назначения, история приняла неожиданный оборот.

Баллард умолк, присмотревшись к Пьеру, словно анализируя того на предмет благонадежности. Сам же Пьер не решался спросить, что именно Баллард пытался в нём увидеть.

– Наша экспедиция обернулась катастрофой. То, о чём рассказывал наш товарищ, подтвердилось, однако, помимо этого, выяснилось также, что на острове было ещё многое из того, о чём он не узнал. – Баллард откашлялся, затем запрокинул голову к небу, на котором уже проступили первые россыпи звёзд – Были времена, когда путешественники могли ориентироваться только по звёздному небу. Разумеется, были ещё карты, но их качество всегда оставалось спорным. К тому же, одно дело, когда путешествуешь по суше, и совсем по другому дела обстоят с путешествиями по воде. Мореплаватели столетиями бились над вопросом совершенствования навигационных систем, порой прибегая к самым радикальным, и кажущимся сегодня безумными, решениям. Долгое время в западном мире бытовала идея о том, что где-то за «семью Индиями» лежит совершенно особая земля – царство пресвитера Иоанна, который вошёл в многочисленные летописи средневековья под различными именами, такими как Иоанн Пресвитер, Иоанн Богослов и тому подобное. Земля, в которой этот Иоанн царствовал, называлась Тапробаной. Она считалась крайним христианским царством, в котором якобы были реализованы все идеалы христианской веры.

Пьер удивился, когда рассказ Балларда обернулся таким образом. От учёного, за которого мужчина себя выдавал, Пьер не ожидал склонности к спекуляциям относительно мифов и легенд. Однако, мужчина рассказывал столь вдохновенно и искренне, что Пьер предпочёл воздержаться от демонстрации своего скептицизма.

– В период наиболее острого кризиса христианства, в периоды с десятого по двенадцатое столетие, Тапробана стала местом, куда идеологи крестовых походов поместили святой Грааль, сделав тем самым царство пресвитера Иоанна желаемым местом паломничества всех авантюристов, вознамерившихся вернуть святыню в лоно католической церкви и тем самым заслужить себе честь и почёт.

– Но ведь священный Грааль это легенда, разве нет? – полюбопытствовал Пьер, стараясь придать своему голосу нейтральную интонацию.

– Ну это зависит от того, что называть святым Граалем. – коротко ответил Баллард, пожимая плечами – Сосуд, в который была собрана кровь Христа стал символом, и представлял собой именно символическую ценность, владение которой, однако, сулила завидное положение в религиозном обществе. Но речь вовсе не о Граале. Остров, о котором идёт речь, ещё

в средние века воспринимался как одно из предполагаемых мест, где и находилась легендарная Тапробана, земля Иоанна крестителя. Многие тома описаний псевдонаучного толка были опубликованы ещё в те далёкие века, сделавшие Тапробану местом мифическим, населив её всевозможными существами и народностями, которые могли обитать только там и нигде более.

– То есть, вы хотите сказать, что люди в действительности верили в существование этой Тапробаны? – Пьера удивило это обстоятельство, поскольку он сам был склонен считать, что мифы и легенды, дошедшие до нынешних времён из глубины веков, были созданы когда-то лишь с увеселительной целью.

– О да, именно! – ответил Баллард, позволив себе широко улыбнуться – Целые народы верили в Тапробану и в царство пресвитера Иоанна. В погоне за статусом и благим расположением Папы Римского, ведущие державы того периода направляли свои экспедиции в поисках Тапробаны. Однако, всякий раз, когда очередной экспедиции посчастливилось вернуться в родную пристань, путешественники лишь приумножали мифы. При этом, в зависимости от того, кем были представлены очередные путешественники, какой культуре и традициям они придерживались, таковыми были и новые ветки мифотворчества, оплетавшие Тапробану.

Видя, что Пьер не совсем уловил смысл этого высказывания, Баллард позволил себе несколько углубиться в контекст.

– Экспедиция, предпринятая выходцами из священной Римской империи, так в то время себя называло государство под предводительством германского императора Фридриха первого Барбаросса, которая состояла из весьма разношерстной компании, содержала в своих рядах еврея, по некоторым данным, он был даже раввином, но насколько это соответствовало действительности теперь уже сказать невозможно. – мужчина откашлялся, вечерний воздух становился холодным – Так вот, этот господин был заинтересован не столько в поиске святого Грааля, сколько в выяснении судьбы двенадцати колен израилитовых.

При упоминании этого исторического явления, Пьер уже не смог сдержаться, и его гримаса выдала царившее в нём замешательство, что не могло укрыться от внимания профессора Балларда.

– Очевидно, этот еврей, примкнувший к экспедиции, надеялся найти хоть какие-то предметы, которые могли бы быть им представлены в качестве доказательства существования утраченных родов, берущих своё начало от потомков двенадцати сыновей Иакова, того самого Иакова, который противоборствовал самому богу в обличье ангела и повредил своё бедро, но впоследствии был переименован в Израиля, что с древне-еврейского означает «богоборец» или «божий герой» – обнаружив, что Пьер уже пребывал на грани того, чтобы окончательно утратить связующую нить замысловатого рассказа, профессор предпочёл поскорее вернуться к основной теме своей импровизированной лекции – Из той экспедиции практически никто не вернулся, а отчётом о злоключениях авантюристов стали рукописи одного из участников этого предприятия. Так вот, все эти сведения, которые представляли собой подробный отчёт обо всём, что встретилось путешественникам на их нелёгком пути, изобиловали мифологемами, с описаниями фантастических существ и явлений. В частности, всё тот же раввин указывал на невозможность достичь обители двенадцати колен из-за реки Самбатион, преграждающей путь. Из рукописей о этой реке известно, что воды этой реки гневно бурлят и пышут жаром на протяжении будних дней, а в субботу – становятся спокойными, как если бы течение в них полностью отсутствовало. Кроме того, Самбатион в этом описании предстаёт как река, русло которой заполнено не столько привычной речной водой, сколько каменными глыбами, то и дело извергающимися в смертоносных брызгах при малейшей попытке кого либо приблизиться к реке.

– Ну разве такое вообще возможно? – не выдержал и спросил Пьер – Мне кажется, что вы гонитесь за мифом, красивой выдумкой прошлого!

– Мне так тоже казалось! – согласился Баллард, серьёзно глядя на своего собеседника – Все мы, отправившиеся на пресловутый остров, понимали, что окружающие Тапробану мифы служили красивой занавесью, за которой скрывались оправдания многих, разбившихся о «топографический кретинизм», амбиций. Иными словами, мы полагали, что из-за отвратного уровня развития навигационного ремесла, экспедиции не могли обнаружить искомый остров или землю, однако чтобы оправдать в глазах своих правителей потраченные средства, нужно было придумать что-то этакое, что могло бы отвлечь внимание неудачливых инвесторов от понесённых убытков. И разумеется, даже если бы остров был найден, то на нём явно не удалось бы найти никакого пресвитера Иоанна, как не удалось бы отыскать и священный Грааль.

Такому объяснению Пьер был готов поверить. Несмотря на свою абсурдность и гипертрофированность мифической составляющей, мужчина прослеживал некоторые аналогии с тем, что происходило в день сегодняшний, когда правительства самых развитых стран активно использовали средства массовой информации для того, чтобы формировать в обществе удобные им мифы. Пьер посмотрел на свои часы, как ни странно, но прошло уже довольно много времени с момента, когда должны были начаться отложенные на час переговоры. Он ожидал, что если вторая сторона попросту проигнорирует это мероприятие, то возможно у него появится шанс выставить всё в таком свете, при котором его вина не усматривалась бы местной группой влияния. Это, в свою очередь, давало слабую надежду на здравомыслие местных головорезов.

« – До сих пор всё тихо,» – думал про себя Пьер – «Со стороны конференц-зала не доносятся ни крики, ни оружейные выстрелы, и всё складывается так, как если бы про переговоры забыли»

Баллард растирал плечи, ему стало зябко от холодного воздуха снаружи террасы, а Пьер, очевидно, не замечал этих изменений в погоде. Наконец профессор предложил мужчине пройти в помещение, и Пьер согласился. Баллард неплохо ориентировался в местных коридорах, поскольку всего через несколько минут интенсивной ходьбы, и одного непродолжительного подъёма по винтовой лестнице, мужчины оказались в ещё одном коридоре с комнатами. Здесь, в отличие от первого этажа, царил некоторое убранство и комфорт, и кроме того, здесь было отопление.

– Я полагаю, – проговорил Баллард, вы не станете возражать, если я вам кое-что покажу.

С этими словами профессор пригласил Пьера в комнату, в которой, очевидно, он проживал. Внутри Пьер обнаружил, что профессор уже собрал свои вещи, приведя их в походный порядок. Только на деревянном столике лежали какие-то бумаги, и стояла немытая кружка со следами многократного наполнения чёрным чаем.

Баллард взял со стола свёрнутый в много раз лист бумаги, который на проверку оказался настоящей картой. Это был распечатанная на цветном принтере карта, отражавшая географию Индии, в основном южной части страны, и захватывавшая до некоторой степени пространство Индийского океана. На карте, уже рукой самого профессора, были нанесены различные линии, отметки и даже целые сноски с записями. Пьер не имел возможности достаточно долго видеть карту, чтобы прочесть хоть что-то. Профессор предпочёл поскорее свернуть карту и спрятать её в кожаный пенал-планшет. Очевидно, карта не была тем, что он хотел показать своему новому знакомому. Вместо этого, профессор извлёк из плотного бумажного конверта снимки.

– Вот, я хочу отправить их обратно, в университет, чтобы они упали на стол нашему руководителю отдела международного сотрудничества. Это этаким старым грибом, который жалеет всякие средства на любое мероприятие, связанное с международной деятельностью. Он больше остальных клял нас дураками, когда мы отправлялись на поиски острова.

На фотографиях были изображены банальные пейзажи пустынной местности. Вдали виднелись какие-то горы, сотворённые из нагромождений песчаника, и песок захватывал всё пространство вокруг. Меняя снимки один за другим, Пьер вскоре обнаружил, как в песке стали

появляться непонятные предметы, сперва показавшиеся мужчине булыжниками. Затем, присмотревшись, он понял, что это были настоящие золотые самородки, довольно крупного размера. Пьер вытаращил глаза, уставившись на Балларда. Тот улыбнулся в ответ и закивал головой.

– Вот именно, вот именно! Это то, что мы нашли там, на этом треклятом острове. Золотые горы.

Профессор указал на песчаные нагромождения на заднем фоне пейзажа. – Эти горы наполнены золотом и его никто никогда там не добывал. Одному богу известно, какое количество этого металла хранится там.

– Золото просто валяется под ногами? – удивился Пьер, отказываясь так запросто поверить в предлагаемую ситуацию.

В ответ на этот его вопрос, Баллард вдруг изменился в лице. Радужная улыбка исчезла без следа, профессор нахмурился. Он принял фотографии из рук Пьера и убрал их обратно в конверт.

– Я хотел бы вас попросить об одной услуге. – серьёзным тоном проговорил профессор – Если вам суждено будет вернуться назад, в Париж, не могли бы вы уже там, курьерской доставкой организовать транспорт этих материалов по указанному адресу в Лондон?

Пьер ничего не ответил, только пожал плечами, давая понять, что он не видел в этом никаких проблем. Баллард кивнул и коротко поблагодарил мужчину, после чего принялся собирать какие-то бумаги воедино, очевидно, чтобы подготовить целый пакет документов к отправке. Пьер понял, что что-то изменилось в настроении профессора, и в ближайшее время от него не следовало ожидать многословных речей.

Покинув комнату Балларда, мужчина вновь почувствовал себя одиноким и на его душе сделалось беспокойно. Однако, не имея иной альтернативы, посмотрев на часы, Пьер решил, что ему следовало отыскать Кхамапа, и узнать, каковы были их перспективы на выживание.

Вернувшись в конференц-зал, Пьер обнаружил хозяина дома сидевшим за длинным столом переговоров, в гордом одиночестве, над чашкой остывшего чая.

Весь вид Кхамапа был таковым, что Пьер утратил последние надежды на счастливый исход своей командировки. Однако, ещё до того, как он смог произнести хоть слово, хозяин дома первым заговорил:

– Ах, господин Пьер, это вы. А я то думал, что вы потерялись в многочисленных коридорах моего обветшалого жилища.

Пьер подошёл к столу и присел напротив Кхамапа.

– Что стряслось? – совершенно серьёзно спросил он – Переговоры отменяются?

В ответ Кхамап покачал головой.

– Наши партнёры ответили нам в эпистолярном жанре. – видя, что его собеседник не понимал, что именно он имел в виду, Кхамап пояснил – Они не намериваются вести переговоры, отделавшись от нас одним электронным письмом, в котором сообщили, что у них появился другой поставщик, который работает с ними на более привлекательных для них условиях.

– Кто это может быть? – удивился Пьер.

– Наш любимый сосед! – усмехнулся Кхамап, едва заметно кивнув головой куда-то в сторону.

Пьер попытался проследить взглядом в направление кивка, но в помещении вообще никого не было, и тогда он понял, что таким жестом мужчина указывал на северо-восток, подразумевая сопредельное государство – Китай.

– Каменный век закончился, не потому что закончились камни, знаете ли! – заявил Кхамап, и Пьер безошибочно узнал эту цитату, которая стала притчей во языцех.

Впервые эту фразу Пьер услышал несколько лет назад, когда по национальному телевидению Франции показали отрывки какого-то большого заседания представителей финансовой и экономической элиты России, на котором эти люди пытались с умным видом и оставшимися крупницами достоинства, дать объяснения той экономической ситуации, которая сложилась в стране после введения в отношении неё экономических санкций.

Эта фраза, произведшая своего рода фурор в русскоязычной среде, на самом деле, была произнесена несколькими десятилетиями ранее, в другой стране и при других условиях. Ахмед Ямани, один из министров Саудовской Аравии, в тысяча девятьсот семьдесят третьем году впервые произнёс эту фразу, скорее всего не подозревая, что ей уготовано повторение в столь отдалённом будущем. Однако этого уже почти никто не помнил.

Соперничать с Китаем в вопросах производства дешёвой продукции не могли даже передовые государства, что мог противопоставить гиганту мелкий, местечковый предприниматель Кхамап.

– Они что, намерены из-за этого вас убить? – спросил напрямую Пьер, считая, что в данной ситуации не следовало держаться за излишний такт.

– Да. – с каким-то даже безразличием выговорил мужчина – Они ожгут мосты, чтобы их конкуренты не поживились моими, экономическими остатками.

– А как насчёт меня? – задавая этот вопрос, Пьер понимал, насколько эгоистично он мог прозвучать, но желание получить ответ преобладало над политкорректностью.

– Не знаю. – столь-же безразлично ответил Кхамап – Они про вас словно забыли. Они уехали куда-то, очевидно посоветоваться со своим ответственным лицом, обещали вернуться под утро с его решением.

– Так вы что же, просто будете сидеть здесь и ждать возвращения своих палачей? – удивлялся Пьер, испытавший некоторое облегчение, услышал, что головорезы, вроде-как не вспоминали о нём.

– У меня нет иного выбора. Судьба моя решится с рассветом, мой друг, это моя карма...

– Что за ерунда, в конце концов! – Пьер встал из-за стола, и его тень накрыла сидевшего напротив мужчину – У нас есть теперь время выбираться отсюда. Доберёмся до аэропорта, я куплю вам билет, и уже завтра будем во Франции, там вы всё расскажите властям и...

Кхамап только улыбнулся в ответ, отпивая немного остывшего чая.

– Человек на скорых ногах может сбежать от человека, – говорил мужчина, глядя на своего собеседника – он от смерти он не сбежит, как бы далеко его не унесли его ноги. Это и есть карма, мой друг.

– Поверить не могу. – Пьер испытывал сильное раздражение и даже некоторую злобу, перед ним сидел человек, который прекрасно понимал, чем ему грозило промедление оставаться на своём месте. Однако, призвав имеющуюся возможность, он предпочитал положиться целиком на провидение, нежели предпринять хоть что-то, для своего спасения.

Словно прочитав мысли мужчины, Кхамап сказал:

– В этом наше основное отличие, одно из них, по крайней мере. Вы, атеисты, уверовали во владение своей судьбой и полагаете, что ваши решения и поступки постоянно что-то меняют. Мы, люди веры, понимаем, что наша жизнь уже предопределена, и попытки изменить наше предопределение – тщетны, они лишь способны унижить нас в глазах всевышнего и наших потомков.

Это заявление лишь подлило масла в разгоревшееся пламя негодования Пьера, он уставился на Кхамапа и в какой-то момент испытал неестественное для себя желание отвесить тому увесистую оплеуху, прямо по его пухлому лицу, чтобы привести сознание этого человека в порядок. Однако, это наитие просуществовало считанные секунды, Пьер понимал, что подобные методы не возымеют никакого эффекта на человека, вся жизнь которого была пронизана религиозной догмой, отчего он был лишён всякой способности к волевым действиям, крити-

ческому мышлению и адекватному восприятию действительности. Тем не менее, мужчина не хотел вот так оставлять Кхамапа на волю его палачей, в пожилом индусе было нечто такое, что заставляло испытывать к нему некую симпатию, возможно дело было в его обходительном поведении, а возможно – Пьер успел проникнуться историей непростой жизни мужчины в этих краях.

– А что, если поутру, когда твои палачи вернуться, ты скажешь им, что тебе удалось найти новый источник дохода, который будет куда более прибыльным, чем несчастное кашемировое производство? – спросил Пьер, глядя Кхамату прямо в глаза.

В ответ индус пожал плечами, не выказав особого энтузиазма или интереса.

– Ложь ещё никого не спасала, друг. Напротив, это скользкий путь над пропастью, на дне которой...

– Знаю, знаю! – Пьер не дал возможности договорить своему собеседнику – Но я не предлагаю тебе обманывать этих головорезов. Что, если ты в действительности наладишь новое предприятие, приносящее солидный доход?

– Ну в таком случае, – отвечал Кхамап – они разумеется не станут резать курицу, несущую золотые яйца.

– Золотые яйца... -промямлил Пьер себе под нос, затем сказал Кхамату оставаться в зале и дожидаться его возвращения.

Следуя уже хорошо известному маршруту на второй уровень дома, туда, где находилась секция с комнатами, предназначенными под гостиничные номера, Пьер без труда нашёл комнату профессора Балларда. Сам профессор уже лежал на кушетке, накрывшись вместо одеяла собственной курткой, которая была элементом его походной формы.

Пьер буквально ворвался в его комнату, когда услышал разрешение профессора войти и сразу принялся рассказывать Балларду о ситуации своей и Кхамата.

Профессор был вне себя от злости. Ему совершенно не понравилось то, что его недавний знакомый уже был готов растрепать сведения касаемые острова с золотыми горами. Пьер объяснял профессору, что он ещё никому ничего не рассказал, но Баллард и слушать ничего не хотел, утверждая, что любая утечка этой информации местным может стоить ему жизни.

– Ты не понимаешь! – говорил профессор – Эти люди живут в такой нищете и бесправии, что любая перспектива обогатиться сводит их с ума. Нищета и глубокая нужда порождают отчаяние и злобу! А бесправие приносит собой вседозволенность и безнаказанность! Ты можешь себе представить, какая термоядерная смесь получается из этих компонентов?

– Не нужно читать мне лекции! – настаивал на своём Пьер – Послушайте, я даже не спрашиваю, что стало с вашими двумя коллегами, которые отправились с вами в эту экспедицию, это не моё дело. Но в одиночку вы не сможете ничего добиться на том острове. Ну что вы будете делать? Вытаскивать самородки в карманах, в ваших сумках, раз за разом? А куда вы их денете? Вас хватят в первом же порту Индии!

Эти доводы подействовали на Балларда отрезвляюще, он прекратил критиковать собеседника и задумался. А меж тем, Пьер продолжал:

– Этот Кхамап, судя по всему, очень не плохой человек. Его религиозность сделала его глупцом, но в то же время этот глупец не лишён принципов. Он смог бы помочь вам в организации процесса разведки и добычи металла, хотя-бы на первое время, на начальных мощностях. Это спасёт вашу операцию и его жизнь! Беспроблемная ситуация, понимаете?

Профессор, конечно же, понимал Пьера, поэтому наградил мужчину испытующим взглядом, прежде чем спросил:

– А какой здесь твой интерес?

Мужчина не сразу нашёл, что ответить, понимая, что от его реплики теперь зависело решение профессора. Пьер сам до конца не верил во всю эту историю с островом и золотыми горами, поскольку слишком неправдоподобными выглядели обстоятельства всей исто-

рии. Разумеется, профессору ничего не стоило впечатлить Пьера вывалив на него кучу информации, приводя выдержки из легенд, связанных с регионом, однако сам факт того, что где-то неподалёку от самой Индии ещё оставался один-единственный остров, таящий в себе такие сокровища, и он до сих пор не был никем присвоен, звучал фантастически.

– А что бы вы сказали, уважаемый профессор Баллард, – проговорил наконец Пьер – если бы я тоже предложил свою кандидатуру в члены вашей экспедиции?

Баллард вытаращил глаза, но ничего не успел сказать, поскольку мужчина действовал на упреждение:

– Я не прошу брать меня в долю вашей прибыли с этого мероприятия, просто позвольте мне вместе с вами покинуть Кашмир завтра утром.

Баллард вновь задумался, но на этот раз ненадолго.

– Я бы хотел видеть рядом с собой хоть кого-то, кто ещё помнил о хорошем тоне и здравомыслии, даже если он и француз!

Пьер хотел было возмутиться от подобного замечания, но до него быстро дошёл смысл сказанного. Баллард попросту не доверял, и может даже боялся местных. Зная социальную напряжённость в данном регионе, профессор, судя по всему, был вынужден очень долгое время держать все свои мысли в секрете, и вот почему он так охотно поделился своей историей, когда ему встретился человек, внешность которого, в каком-то роде, вызывала у него доверие.

– Я не позволю вам терпеть тяготы пути и опасной работы за просто так. – ответил Баллард – Я в любом случае щедро вознагражу вас, мой друг. Однако вы должны понимать, что максимум, что я могу для вас сделать, так это наполнить ваши карманы золотом. Как вы его монетизируете у себя на родине – целиком ваша забота.

Пьер только пожал плечами, для него самым главным виделась перспектива скорейшего убийства из Кашмира.

– Решено! – заявил Баллард, ударив кулаком в ладонь, на подобие того как деревянный молоток закрывает торги на аукционе – В шесть мы выдвигаемся. В городе, в одном местечке, нас будет ждать автомобиль, который доставит нас в аэропорт, оттуда внутренним рейсом мы прибудем в Тутикорин, это неприметный портовый городок в штате Тамилнад, на самом южном окончании континента. Там нас будет ждать частное судно. Его владелец, разумеется, ничего не знает о целях нашего путешествия, я заплатил ему с лихвой, чтобы откупиться от его любопытства. Поставь этого Кхамапа в известность, чтобы он не трепал языком со своими соотечественниками и объясни ему, что я не потерплю и малейшей угрозы нашему предприятию!

С этими словами глаза Балларда метнули молнии, подчёркивая всю его решимость и серьёзность сказанных слов.

Пьер поспешил обратно в конференц-зал, где нашёл Кхамапа на том-же самом месте, где он его оставил некоторое время назад. Остывший чай был выпит, и кружка была отставлена в сторону. То, что увидел Пьер, повергло его сперва в замешательство, а затем и в шок. По пухлым, испещрённым морщинами щекам индуса то и дело пробегали слёзы.

– Господин Кхамап! – только и произнёс Пьер, останавливаясь напротив индуса.

Кхамап поднял взгляд на Пьера и улыбнулся, утирая остатки пролитых слёз, даже не пытаясь изобразить присутствие духа. В этом, очевидно, тоже проявлялась искренность этого человека.

Пьер изложил Кхаману всю суть дела и дал нехитрые инструкции. Индус выслушивал всё с некоторой отстранённостью.

– У тебя сердце коровы, мой друг! – сказал наконец Кхамап, чем поверг Пьера в шок, так, что мужчина не нашёл, что и ответить, и индус понял, что он не учёл некоторых культурных различий – Твоё сердце велико, чтобы вместить в себе заботу о простом, малознакомом тебе человеке!

Пьер отмахнулся от этого комплимента.

– Когда придут головорезы, ты не должен им говорить куда ты отправляешься, поскольку они могут пожелать избавиться от всех нас и самостоятельно найти остров.

– Разумеется! – бойко ответил Кхамап – Я скажу им, что я отправляюсь на встречу с потенциальным клиентом, контракт с которым ещё может спасти мой кашемировый бизнес, поэтому нам даже с руки, что сперва мы летим внутренними авиалиниями!

На том и порешали, Пьер наконец то ощутил присутствие духа, то чувство, которое, как ему казалось ещё минувшим вечером, окончательно и безвозвратно покинуло его.

Вернувшись в комнату, которую для него выделили в доме, мужчина ещё некоторое время не мог заснуть, виной тому было, очевидно, возбуждение от участия в предстоящей авантюре. В какой-то момент Пьер поймал себя на мысли, что переживаемое им теперь чувство он не испытывал уже очень и очень давно. Казалось, будто его повседневная жизнь, разделившаяся между вечерами в стенах своей квартиры и долгими днями за офисным столом, не оставила места энтузиазму, пьянящему чувству риска и манящему образу успеха.

Ему теперь хотелось мечтать о том, как бы он распорядился своим приобретением при удачном исходе всей операции, и как бы его жизнь при этом изменилась. Вариаций на эту тему было бесконечно много, и было похоже, что его фантазия уподобилась птице, внезапно вырвавшейся из клетки будничной неволи. Одно Пьер знал точно, если всё обернётся хотя-бы приблизительно так, как он себе то представлял, он вернётся в свой офис совершенно другим человеком. Вернётся он туда всего один раз, чтобы поговорить с руководителем, что называется «avec un oeil sur l'oeil»¹. Затем, он бы вышел в столь осточертевший ему «open-space», попросил всеобщего внимания, и сообщил бы о своём уходе с такой радостью, чтобы даже самые замшелые «офисные пни» позавидовали бы ему.

Пьер мог бы продолжать свой полёт фантазии ещё очень долго, поскольку впервые он нащупал тропу, в направлении которой его мысль не ведала границ. Но было уже поздно, а подъём предстоял ранний. Оставалось не больше пяти часов на сон, и мужчин решил поскорее направить усилия своей воли на то, чтобы приблизить своё засыпание.

Случилось это не так уж и скоро, но когда, наконец, сон пришёл, то Пьер к своему удивлению наблюдал сновидение, которое никогда не ожидал бы увидеть. Он вновь был на том самом месте, недалеко от Артуа, в лесу, где когда-то в детстве нашёл необычайный муравейник. И вновь, как тогда, много лет назад, Пьер позволил своему сознанию совершить схождение в глубины конструкции, по извилистым ходам, минуя муравьёв различных социальных групп, пока он не оказался в крошечной темноте, в сердцевине муравейника и пред ним не предстала королева-матка.

На этот раз в его памяти с детальной точностью ожил рокочущий звук, издаваемый созданием, но это не вызывало страха, поскольку Пьер отчего-то понимал, что королева не представляла для него никакой угрозы.

Всматриваясь в огромные фасеточные глаза гигантского насекомого, Пьер быстро утонул в сознании королевы, что позволило ему видеть то, что та желала ему показать.

Он видел свои ноги, одна из которых была полностью боса, штанина на ней была разодрана, и сама нога кровоточила из нескольких ран сразу. Он словно шёл вперёд, прихрамывая на каждый шаг, клонясь вперёд, едва удерживаясь от того, чтобы не упасть лицом вниз. Под ногами был песок, и очевидно – горячий песок, нагретый лучами раскалённого солнца, однако, босая нога не чувствовала жара.

Наконец, когда он смог поднять свой взгляд и увидел на некотором удалении от себя целую группу людей в форме, очевидно представителей индийских властей, он как будто бы поспешил к ним, желая поскорее оказаться рядом с ними. Вот уже и некоторые из этих людей

¹ avec un oeil sur l'oeil – «с глазу на глаз», с французского;

поспешили к нему. У них был встревоженный вид, некоторые из них смотрели на него с недоверием, другие – с состраданием.

Тот мужчина в форме, что оказался впереди всех, вдруг остановился и вытянул вперёд руку. Этот жест, сперва показавшийся нелепым предупреждением, затем обернулся прямой угрозой, когда Пьер различил в вытянутой в его направлении руке пистолет. Остановившись на месте, Пьер видел, как мужчина ухмылялся и его указательный палец уже начал спускать курок. Внезапно возле этого мужчины появилась женщина. Её появление было совершенно немыслимы, поскольку она возникла из неоткуда, одетая в знакомую Пьеру одежду – лёгкое платье украшенное цветочным узором. Её длинные светлые волосы колыхались на неощутимом ветру, и она, посмотрев на Пьера, улыбнулась ему, после чего её рука легла на пистолет, направленный на мужчину. Вооружённый индус не видел женщины, продолжая что-то говорить на хинди, он ухмылялся и его указательный палец уже спустил курок пистолета, но выстрела так и не последовало, поскольку рука таинственной женщины, в которой Пьер, с каждой секундой, узнавал всё больше черт, удерживала затвор.

Когда женщина в очередной раз повернулась к Пьеру, тот понял, что перед ним была его мать, погибшая, по словам отца, в несчастном случае на Витри-ан-Артуа. В следующий миг Пьер проснулся под незамысловатую мелодию будильника. Уже было половина шестого, и оставалось не так много времени, прежде чем он мог бы подготовиться к предстоящему отбытию в аэропорт.

В шесть ровно, Пьер, уже собравшийся, встретил в парадной большого дома Балларда. Мужчина был нагладо выбрит и в полном обмундировании, добавив к своему вчерашнему костюму ещё и пиджак из такого же светлого материала, что и рубашка с брюками. Рукава профессор предусмотрительно закатал, предстоял жаркий день. На голову он водрузил шляпу, поля которой могли бы сделать его похожим на знаменитого искателя сокровищ, но вместо этого, из-за сомнительного фасона головного убора, Баллард больше походил на австралийского торгового агента, коих Пьеру доводилось видеть лишь однажды, и коих он точно никогда бы не позабыл.

Кхамап появился последним. Он тоже снарядился подобающим образом, отдавая предпочтение традиционной одежде, но придав ей необходимые кондиции для длительного и активного путешествия. Мужчина, судя по всему его виду, восстановил присутствие духа. Он энергично приветствовал своих теперешних компаньонов, и после того, как Баллард переспросил своих новоявленных товарищей о степени их готовности, трое мужчин отправились на автомобиле Кхамапа к месту, указанному Баллардом. Там, среди узких закоулков кашмирских улочек, их встретил большой, старый внедорожник, на котором они продолжили свой путь до аэропорта.

В аэропорту, к удивлению Пьера, Баллард не стал заказывать билетов, он просто поговорил о чём-то с кассиром и передал женщине бумажный конверт с деньгами. Спустя ещё минут пятнадцать, к мужчинам подошёл сотрудник предполётного досмотра и попросил их проследовать за ним. На лицах Кхамапа и Пьера было нарисовано беспокойство, а вот Баллард чувствовал себя прекрасно. Вместо досмотра мужчин провели по служебному входу в «стерильную зону», где находилась зона ожидания объявления посадки. Сотрудник досмотра что-то объяснил женщине, сидевшей за компьютером у прохода к воздушным судам. Та кивнула несколько раз и внимательно посмотрела на троих мужчин.

– Деньги здесь решают всё. – констатировал Пьер, наблюдая за происходящим.

– Деньги решают почти всё, и не только здесь, а везде, мой друг! – отозвался Баллард.

– Не спеши только делать поспешных выводов, – встрял в разговор Кхамап, которому явно не совсем нравилось то, с какой лёгкостью его соотечественники, находясь на столь ответственных должностях, брали взятки и пренебрегали всякими мерами безопасности – Мздоимцам уготована кара!

– А мне не говорили, – отозвался Баллард – что у нас в компаньонах верующие!

Кхамап улыбнулся в свойственной ему манере и спросил:

– А может ли это служить достопочтенному гостю каким то обременением?

– Ну что вы! – столь же умело изображая радушие отвечал профессор – Праведность окрыляет ещё при жизни, так у вас говорят?

В этот момент Пьер вспомнил знаменитый рекламный слоган, широко используемый производителем одного известного бренда энергетических напитков, но озвучить свою мысль он не решился, не желая оказывать на Кхамапа дополнительного эмоционального давления.

Мужчин пригласили пройти на борт самыми первыми, чем было привлечено ненужное внимание со стороны других пассажиров рейса. Пьеру никогда не приходилось даже видеть подобные авиаперелёты. Традиционный пассажирский Боинг на триста с небольшим мест, был забит едва ли не полутысячной толпой, состоявшей из мужчин и женщин, которые громко разговаривали, много улыбались и от того вся атмосфера в салоне принимала образ некой фантазмагии. Пьер ещё минувшим днём заметил эту особенность местного колорита, мужчины часто широко улыбались, демонстрируя набор белых зубов. Кхамап пояснил своим спутникам, что в Индии принято считать, что состояние мужских зубов в некотором роде отражает состояние как внутреннего мира этого человека, так и общее положение его дел. Принцип был прост. Если человек с молодого возраста не следил за своими зубами, то скорее всего его характер не позволил ему добиться хоть мало-мальски успеха в жизни. А раз на настоящий момент такой мужчина не вылечил свои зубы и не восстановил белизну, стало быть, средств у него на это не было. А вот женщинам подобное поведение не было свойственно, и вскоре Пьер понял почему. У большинства женщин были проблемы с зубами, и у этой проблемы было сразу множество предпосылок. Социальный статус женщины в сложном устройстве кастового общества не оценивали по её зубам, поэтому, не было никакой необходимости следить за белизной зубов, а стоматологические процедуры женщины получали лишь в тех случаях, когда их к этому подталкивал недуг.

Детей в салоне было много, и они сильно шумели, как только начинал плакать один ребёнок, это подхватывал другой, затем третий и так продолжалось до бесконечности, ведь успокаивая первого зачинщика этого какофонического оркестра, уже не было никакой возможности остановить цепную реакцию.

К счастью, очень скоро Пьер и Баллард привыкли к этому звуковому фону, который не утихал даже в период набора самолётом высоты. Сам полёт длился не так уж и мало, потребовалось три с небольшим часа, чтобы без пересадок самолёт приземлился в аэропорту близь города Тутикорин, штата Тамиланд.

Пьер, покинув пределы аэропорта, ожидал увидеть совсем другую Индию. И хотя в воздухе по-прежнему присутствовала вся гамма неприятных запахов, а ор сотен детских глоток сменился гулом двигателей многочисленных автомобилей, сновавших во всех направлениях, часто попросту игнорировавших как правила дорожного движения, так и здравый смысл, мужчина тем не менее был рад, что Кашмир остался позади.

Кхамап, чувствовал себя как «в своей тарелке». Казалось, бегство из Кашмира ему пришлось по вкусу, и Пьер не мог быть на сто процентов уверен, не захочет ли индус теперь вовсе распрощаться со своими путниками и их завиральными обещаниями. На такой случай, мужчина заблаговременно продумал подобное развитие событий, никто не стал бы сильно возражать. Разве что Баллард позволил бы себе пару критических высказываний в адрес пошедшего на попятную Кхамапа, но ничего подобного не случилось.

Профессор ознакомился с картой, на которой было указано место встречи с человеком, который предоставлял ему катер до острова. К карте, на скобы, был прикреплен небольшой лист бумаги, на котором были указаны какие-то цифры, очевидно номер телефона, по которому профессор намеривался связаться со своим поделщиком.

Сперва путники решили выбраться из аэропорта, чтобы прибыть на место, где должна была состояться встреча с владельцем катера.

– Его зовут Арнав, он владелец нескольких судов здесь, которые использует в коммерческих целях. – пояснял Баллард.

– Возит туристов? – смущённо спросил Пьер и тут же увидел уже знакомую улыбку Кхамапа.

– Здесь нет туристов, мой друг! – ответил индус – Мы так далеко на юге страны, что здесь едва кто разговаривает на ваших западных наречиях. Скорее всего судна используются для оказания транспортных услуг, ведь о рыбной ловле здесь тоже речи идти не может.

Пьер удивлённо перевёл взгляд на профессора, тот пожал плечами и поправил свою шляпу.

– Местные уже давно выловили всё, что можно было поймать на доступном расстоянии от берега. А затем загрязнили прибрежные воды до такой степени, что туда руку опустить страшно.

Кхамап медленно покачал головой, подтверждая слова Балларда.

– Арнав контрабандист. – проговорил Баллард – Хотя он всего лишь исполнитель.

Пьер не знал, что и сказать, в очередной раз он убеждался, что любое мероприятие так или иначе приходилось координировать с людьми, стоявшими в стороне от закона. Баллард, судя по всему, даже не заметил тени смущения, пробежавшей по лицу Пьера, а вот от внимания Кхамапа это не укрылось и он бережно похлопал Пьера по плечу и подмигнул ему.

Благодаря опыту индуса, путники не позволили местным таксистам себя обмануть. Видя европейцев, дежурившие у аэропорта таксисты буквально накинудились на мужчин с предложением довезти их до любой точки города, запрашивая цену, которая была завышена как минимум в десяток раз. Кхамап отвёл товарищей в сторону и сообщил им о типичной афере. Баллард, вроде как, даже не удивился и не имел ничего против того, чтобы переплатить, но индус попросил товарищей дать ему несколько минут. За это время он позвонил по мобильному в несколько местных компаний-такси, называя диспетчерам маршрут, осведомился относительно стоимости поездки на троих. Затем, с деловитым видом, выпятив вперёд свой живот, Кхамап подошёл к группе таксистов, которые всё это время за ним наблюдали. Он сказал им что-то на хинди, и Пьер, разумеется, уже не мог понять, о чём шла речь, однако профессор, в очередной раз удивляя мужчину, перевёл разговор Кхамапа с таксистами.

– Такси из организаций, куда он звонил, просит значительно дешевле за извоз, однако их сюда не пускают местные «мобстеры»², которые «крышуют» этот бизнес. Это их территория.

– Так какие проблемы, – отвечал Пьер – давайте пройдемся немного пешком, выйдем с территории аэропорта и там вызовем нормальное такси.

– Да, – соглашался Баллард, не оставляя в покое поля своей шляпы – но Кхамап заявил, что мы готовы воспользоваться предложенной услугой, если местные извозчики уменьшат стоимость в два раза и это будет цена сразу за троих пассажиров.

Пьеру не понадобилось переводить то, чем закончился разговор индуса с таксистами, потому что один из мужчин, самый старший по возрасту и, очевидно, по некоему рангу, последовал за Кхамапом.

– Мы сможем уехать прямо отсюда, на вполне не плохих условиях! – довольным тоном заявил индус.

Таксист подал автомобиль к месту, где ожидали путники. Баллард и Пьер сели на задние сиденья, а Кхамап сел на переднее пассажирское место. Мужчина-водитель буквально мчался по переполненным автодорогам, то и дело он сворачивал в закоулки, проезжая там, где, как

² В переводе с английского «mobster» – гангстер, участник организованного преступного сообщества;

казалось, его автомобиль не должен был бы пройти. Затем он столь же ловко выскакивал на проезжую часть не считаясь с движущимся потоком.

На вопросы о том, как долго ещё предстояло ехать, водитель отвечал короткими, обрывистыми фразами, и все понимали, что отвлекать его от дороги не стоило.

В конце концов, автомобиль остановился в многолюдном месте, с обеих сторон которого возвышались уродливого вида многоквартирные дома. Первые три-четыре этажа были целиком завешаны различной рекламой.

– Это то место, куда нам нужно? – с недоверием в голосе спросил Пьер, в то время как профессор сверялся со своей картой.

– Да, это оно. – подтвердил Баллард – Выходим и не забываем вещи из багажника.

Получив свою оплату, водитель умчался столь же стремительно, как и появился здесь. Толпы людей игнорировали мчащийся на них автомобиль, просто расступаясь перед ним, как будто поток воды обтекал стоявший на его пути каменный валун.

Мужчины, протаскивая свои сумки по узким коридорам, поднялись на второй этаж одного из домов, где открывалась небольшая веранда, на которой стояли несколько столиков и стулья. Здесь жил человек, который использовал уникальность своего жилища для собственного бизнеса, организовав некое подобие кофейни.

Заказав по чашке кофе и лёгкую закуску из меню, которой можно было доверять, путники сели за один из столиков. Баллард вновь разложил перед собой карту. Теперь, это была уже другая карта и Пьер без труда узнал в ней ту карту, которую он вдел минувшим вечером в доме Кхамапа. Баллард, как и в прошлый раз, предпочёл спрятать эту карту от глаз Пьера, поскольку мужчина ещё не был его партнёром по предприятию.

На карте была изображена южная часть Индии, включая портовый город Тутикорин, в котором мужчины теперь находились. Дальше изображался индийский океан, но в отличие от многих других карт, которые доводилось видеть Пьеру, на этой подробно изображались острова с указанием долгот и широт, а также с наименованиями островов, если таковые имелись. Безымянные острова были подписаны номерами. От Тутикорин профессор когда-то провёл красную линию до одного из мелких островов на юго-запад от Шри-Ланки. Очевидно, это и был искомый остров с золотыми горами.

Однако, обнаружив внимание своих товарищей прикованное к карте профессор начал говорить совсем не о острове-месте назначения.

– Арнав контрабандист, как я уже сказал. – профессор пристально поглядел на своих товарищей, словно ожидал от них какой-то особой реакции – Но он всего лишь исполнитель. Он использует свои суда и некоторые связи, чтобы осуществлять беспошлинный транспорт товаров в Бангладешь и Мьянму на востоке, через Бенгальский залив. Ситуация в этих странах такова, что люди охотно идут на сделки с контрабандистами, чтобы не переплачивать за подпошлинные товары, ввозимые правительством.

– И как долго достопочтенный Арнав занимается этим ремеслом? – в свойственной себе манере спросил Кхамап, однако на этот раз, ни его манера вежливого вопроса, ни его радушная улыбка, не повлияли на Балларда иначе как подозрительно и раздражающе.

– Я, знаете ли, не задавался такими вопросами, – своей интонацией он подчёркивал скрытый между строк смысл сказанного – и даже если бы мне вдруг взбрело в голову спросить нечто подобное, то он едва ли рассказал мне.

Пьер понял, что профессор до конца не научился доверять индусу, и поспешил нивелировать искру негодования.

– Я полагаю, – сказал он – что Кхамап просто хотел узнать, можем ли мы доверять этому Арнаву. Я прав?

Индус ничего не ответил и только кивнул, продолжая одаривать Балларда своей улыбкой.

– Мы не можем никому доверять! – отрезал Баллард, переводя взгляд с одного из своих компаньонов на другого – Поэтому даже этот Арнав не знает истинной цели моего путешествия к острову. Посещение острова запрещено, хотя на то нет прямого указания в законе, но существует какая-то религиозная секта в этой части страны, которая следит за некоторыми традициями, ревностно охраняя их.

– Мы ожидаем этого Арнава, верно? – спросил Пьер, чтобы прояснить ситуацию и предстоящие действия.

– Верно. Я должен позвонить ему по номеру, который у меня есть и сообщить, что я на месте и готов к выполнению плана, затем он пригонит к двум часам после полуночи катер, на борту которого будет ещё кое-какое имущество, необходимое для успешного выполнения нашей задумки.

– Пригонит катер? – спросил Кхамап, опережая удивление Пьера – Стало быть Арнав сейчас не в городе?

Баллард развёл руками, откидываясь на спинку стула.

– Разумеется нет. – с некоторым недоумением он смотрел на своих товарищей, как если бы они задали нелепый вопрос – Здесь ему не безопасно. Местные группы влияния точат на него зуб за его излишнюю самостоятельность, а при его деятельности, к властям обратиться он не может, за контрабанду здесь очень суровое наказание. Здесь он был бы словно между молотом и наковальней. Арнав обитает в месте под названием Порт Блэр, это крупный город на острове Южный Адаман, который располагается строго на востоке от Индии, через Бенгальский залив.

Кхамап вдруг заметно оживился, услышав упоминание острова, служившего убежищем контрабандисту. Не упустив секундной паузы в словах профессора, индус перехватил инициативу.

– Порт Блэр это не просто крупный город, это своего рода островная столица Адаманского и Никабарского островных содружеств. – ни Пьер, ни Баллард, не знали как можно было прокомментировать это замечание, поэтому Кхамалу пришлось продолжить объяснение – Само это место, Порт Блэр, было основано ещё властями Бенгалии в самом конце восемнадцатого столетия, при поддержке колониционных сил Англии. Изначально Порт Блэр должен был быть исправительной колонией, названной так в честь британского морского офицера Ричарда Блэра, который в течение некоторого времени занимал один из руководящих постов в Ост-Индской торговой компании. Но дела там пошли из рук вон плохо, у администрации не было ни сил, ни возможности навести порядок в колонии, и её перенесли уже на северо-восточную часть побережья острова Большой Адаман, и передали под управление более опытного в административных вопросах адмирала Вильяма Корнуоллисса, посему и сама колония была переименована. Судьбе было угодно так, чтобы спустя какое-то время на инфраструктуре той местности, где колония была изначально, зародилась активная общественная жизнь. Из Индии, Бенгалии и Мьянмы сюда стали стекаться люди, прячущиеся от закона, в надежде на какое-то время укрыться от властей. Туда же стали прибывать и европейцы, гонимые кредиторами и неспособные выплатить долги. Это место стало наполняться населением. Европейцы, не без поддержки Ост-Индской компании, наладили там деловую жизнь и контрабанда, надо сказать, всегда играла не последнюю роль в развитии Порт Блэра. Всё сильно изменилось уже к концу первой половины двадцатого века. В Индии начались серьёзные социальные волнения по поводу перспектив обретения независимости от Британской империи. В Форт Блэр прибыл человек по имени Субхаса Чандра Боса.

И вновь, Пьер и Баллард не знали, что и ответить, профессор снял с головы шляпу и положил её на стол подле себя. Всякий раз когда он слышал от Кхамала что-то, что было связано с историей региона, он хмурился и принимался массировать подбородок, делая вид, будто верифицировал в уме какие-то данные.

– Чандра Субхаса был одним из виднейших фигур в движении за освобождение Индии от Британской империи. Будучи бенгальцем по происхождению, Субхаса родился не в бедной семье и это позволило ему получить очень хорошее образование, в итоге он окончил Кембриджский университет и когда вернулся на родину, то организовал движение «Азад Хинд»³ Эта организация, в отличие от левого крыла сопротивления возглавляемого Махатма Ганди и Джавахарлал Неру, не ограничивалось одними только манифестациями и актами гражданского неповиновения. Участники «Азад Хинд» устраивали террористические акты, нападения на представителей британского истеблишмента в Индии, а их требования отличались самым радикальным толком, призывая к смене администрации колонии. Разумеется, британцы неоднократно арестовывали Субхасу и в какой-то момент ему даже грозила смертная казнь, тогда то он и сбежал с континентальной Индии в Порт Блэр. Там он использовал свои таланты, чтобы аккумулировать человеческие и материальные ресурсы для борьбы за независимость, которая должна была вылиться в форме вооружённого восстания, однако его планы предвосхитила вторая мировая война. Англия оказалась втянута в противодействие нацистской Германии. Субхаса Чандра сперва искал поддержки в СССР, но на дворе стоял уже сороковой год и Иосиф Джугашвили не решился поддержать восстание в Индии, разумно опасаясь, что в таком случае под угрозу могли быть поставлены союзнические отношения с Англией, а это сделало бы победу в войне невозможной. Тогда Субхаса обратился к Гитлеру и вот там он и нашёл поддержку. Фюрер послал в Порт Блэр инструкторов, опытных военнослужащих и материальную базу, что позволило создать ещё одну дивизию ваффен-СС, получившую название «легион СС «Азад Хинд»»

– То есть ты говоришь про создание легиона СС «Свободная Индия»? – переспросил Баллард, делая рукой жест, призывая Кхамапа остановиться ненадолго – Эта история отчасти мне знакома. Адаманские острова попали под протекторат Японской империи, союзника Германии. Этот твой Субхаса Чандра получил возможность управлять всей территорией островного содружества, в то время как собранная не без его помощи «Азад Хинд» была отправлена на Западный фронт, в Бордо, где им немцы предоставили возможность столкнуться с англичанами в настоящем боестолкновении. И результат был плачевен для индусов.

Кхамап расплылся в улыбке, обнаруживая, что его собеседники, по крайней мере один из них, теперь понимал о чём шла речь.

– Верно замечено, уважаемый профессор! Судьба индийского легиона была плачевна, но и судьба Субхасы была не радужной. Когда японские войска были вынуждены уйти с островов, возникла угроза расправы и над администратором этих территорий, над всеми, кто потворствовал врагу. Британские спецслужбы показали себя мстительной организацией, они устроили настоящую охоту за бывшими коллаборационистами. Субхаса Чандра пытался бежать в Японию, последнее дружественное ему место в зоне досягаемости, однако, как нам сегодня известно из официальной историографии, самолёт на котором он покинул Порт Блэр потерпел крушение.

Баллард усмехнулся, на его лице появилась довольная мина, расплывшаяся в улыбке.

– Потерпел крушение говоришь? – профессор повторил последние слова, сказанные индусом – Нет никакой нужды быть аналитиком или иметь доступ к архивам Ми-6, чтобы понять, что Субхаса Чандра был ликвидирован, как и другие организаторы «Азад Хинд»

Кхамап, тем не мене, не переставал улыбаться.

– Возможно вы и правы, мой уважаемый профессор, однако я человек скромный и не привык спекулировать фактами, которые мне достоверно неизвестны. Я хочу лишь сказать вам вот что, после той войны прошло ещё какое-то время и Индия была формально деколонизи-

³ В переводе с бенгальского «Свободная Индия»

рована, правда уже усилиями «левого крыла» И хотя в организации «Азад Хинд» не осталось никакой необходимости, эта структура не исчезла.

Баллард и Пьер вытаращили глаза на своего собеседника. Такого поворота событий они не ожидали.

– Да-да, это и есть суть того, что я пытаюсь до вас донести. – подытожил наконец Кхамап – «Азад Хинд» превратилось в жёстко-структурированное преступное сообщество, или даже в секту. Они являются самой авторитетной группой влияния в Индии, поскольку в их рядах не только головорезы на вроде тех, что вы видели в Кашмире, но и высокопоставленные политические фигуры. Считается, что «базой» этой структуры остаётся именно Порт Блэр, вот почему даже сегодня контрабанда и налоговая офшоризация в нашем регионе остаётся возможной и столь эффективной.

Над столиком повисло молчание, индус отпил немного кофе, которое успело заметно остыть, а Пьер в это время спросил, нарушая тишину:

– Ты хочешь сказать, что этот Арнав может быть членом «Азад Хинд»?

Кхамап только пожал плечами и ничего больше не ответил.

– Не имеет никакого значения, к какой группе он принадлежит! – сказал наконец Баллард, но сам того не желая, он произнёс это слишком громко, из-за чего ему пришлось осмотреться, наблюдая не прислушивался ли владелец веранды к разговору мужчин – Он вызвался за очень немалую плату выполнить нехитрое поручение для меня, вот и всё.

– Уважаемый профессор, – отозвался Кхамап – я бы вам посоветовал воспользоваться услугами Арнава только один единственный раз, и сделать это так, чтобы у него не возникло желания вас в чём-то подозревать. Люди из «Азад Хинд» не знают жалости, а то, что вы англичанин, во многом усугубляет ситуацию.

Баллард перевёл дух. Так как никто больше ничего не говорил, профессору ничего не оставалось, как взять свой телефон и сделать один единственный звонок. Пьер слышал, каким коротким был разговор с человеком на другом конце. Когда разговор был окончен, Баллард объявил, что в два часа после полуночи катер Арнава будет на оговорённом месте.

Пьер быстро заснул, очевидно, сказаласть усталость и обилие впечатлений, которые на него произвели недавние события и открытия, сделанные благодаря его спутникам и его собственному решению поддаться в водоворот приключения.

Поставив будильник на час ночи, Пьер пробудился за полчаса до полуночи, чувствуя себя выспавшимся и вполне отдохнувшим. Мужчины остановились в доме того же самого индуса, который владел небольшой кофейней. Владелец кофейни не пришёл в восторг от предложения позволить путникам провести несколько часов отдыха в его доме, хотя Кхамап и предлагал ему более чем внушительную сумму.

«– Очевидно, бедолага всё-таки кое что услышал из нашей беседы!» – заключил позже Кхамап – «Его насторожили наши упоминания о группах влияния и о «Азад Хинд», этого стоило ожидать»

Пьер, таким образом, имел лишний шанс убедиться в правоте суждений своих компаньонов. Местные жители в действительности были напуганы малейшей перспективой оказаться вовлечёнными в дела групп влияния. Они понимали, что завышенные гонорары и компенсации за оказываемые чужеземцам услуги не могли компенсировать им стоимости их жизней. Очевидно, далеко не все здесь разделяли ту убеждённость Кхамапа относительно предопределённости судьбы и безразличного принятия смерти. Да и сам Кхамап, чем дальше – тем больше, забывал про эту свою доктрину, поскольку на горизонте уже маячило нечто более осязаемое, чем простая искорка надежды.

Отчалив ночью от берега, ещё до рассвета они должны были достичь сокровенного острова, безымянного клочка суши в океане, которому было дано столь много имён и ни одно из которых так и не осталось при нём.

Пьер осмотрелся, не вставая с циновки, и обнаружил, что его компаньонов не было на их спальных местах. Выйдя на веранду, туда, где минувшим вечером мужчины пили кофе, Пьер обнаружил Балларда, сидевшим за столом, с большой, полулитровой, кружкой чая. Хозяин кофейни, судя по всему, проникся неким радушием к профессору и обслуживал его прихоти даже ночью. Впрочем, оплата окупала все неудобства.

– А где Кхамап? – спросил Пьер, когда понял, что Баллард увидел его.

– Очень интересный вопрос. – угрюмо, глядя изподлобья, ответил профессор – Хотел бы я знать, куда исчез этот хлыщ! Когда я проснулся, его не было в комнате, и я вышел сюда. Масул вон говорит, что видел, как наш друг наспех собрался и был таков.

Потратив не более двух-трёх секунд на то, чтобы обдумать услышанное, Пьер почувствовал как на душе вновь сделалось беспокойно.

– Ты говоришь, – продолжал профессор – мы можем ему доверять?

Но Пьер ничего не ответил, он только лишь подошёл к импровизированной стойке, за которой стоял владелец кофейни и попросил у того стакан воды. Однако, мужчина разумеется не понял просьбы и продолжал глазеть на Пьера улыбаясь, ожидая, как если бы клиент мог вдруг заговорить на хинди или санскрите. Пьер вовремя опомнился и несколькими жестами объяснил индусу, что он хотел. Вместо воды мужчина подал Пьеру стакан холодного чая. За то короткое время, что длилось его недоумение, профессор уже успел объяснить ситуацию.

– У них здесь не принято пить простую воду, это небезопасно. Высока вероятность заражения холерным вирионом, это такой микроорганизм, являющийся возбудителем тяжёлого инфекционного заболевания, как правило, это брюшной тиф.

Они покинули кофейню, дополнительно оставив владельцу заведения некоторое вознаграждение и профессор попытался объяснить ему, чтобы тот не волновался не о чём. Индус кивал головой соглашаясь с каждым словом Балларда, но Пьер уже прекрасно понимал, что такое поведение здесь было обычным делом, если индусам приходилось общаться с клиентом-европейцем, который щедро платил. Деньги заменяли все лингвистические нормы, однако смысл, передаваемый этим средством, всегда лежал на поверхности. Выйдя из заведения за полчаса до назначенного часа, мужчины не прогадали, им понадобилось двадцать с небольшим минут, чтобы достичь места, в котором их должен был ждать катер.

Улицы почти полностью опустели, но некоторые жители окрестных трущоб продолжали слоняться от дома к дому, предаваясь своему, только им одним понятному, образу жизни. Путники двигались быстро, по возможности скрытно, чтобы не привлечь к себе внимание местных. На каком-то интуитивном уровне Пьер понимал, что дневное показное радушие индусов по отношению к иностранцам, теперь, ночью, могло обернуться совершенно иной реакцией. Ему вдруг вспомнился иллюстративный пример из английской истории колонизации северо-востока Индии и той её части, которая впоследствии стала Пакистаном. Англичане, прибывшие в эти территории, обнаружили удивительное архитектурное явление. В наиболее бедных районах города, всякий жилой дом имел минимум два этажа, даже если жилые помещения были только на одного человека или на одну семью. При этом, первый этаж зданий не имел ни окон ни дверей. Входная группа всегда обустроивалась уже на уровень выше и обитатели таких жилищ традиционно поднимались по вертикальной, деревянной лестнице, чтобы попасть в своё жилище. Всё это не могло не удивить иностранцев, но уже первым же вечером их удивление и всевозможные догадки были развеяны реальностью положения дел. Оказалось, что в этой части страны, прирост населения традиционно опережал экономическое развитие, а распределение ресурсов, традиционно, складывалось в пользу очень ограниченного круга лиц. И местные правители нашли выход, объявив «час ночной индульгенции», когда одни бедняки, могли безнаказанно, под покровом ночи, врывать в дома к соседям и убивать их, присваивая себе любое имущество. Разумеется, всё это дозволялось делать лишь в течение определённого времени по ночам, но эффект оказался столь сильным, что население стало сокращаться, и вся

социальная энергия была направлена внутрь своего же социума, где бедняки боролись друг с другом, а не с теми, кто создавал для них подобные условия. В результате, появилась традиция строить дома таким образом, чтобы по наступлению позднего вечера, можно было попросту поднять лестницу и головорезам было бы не с руки пытаться проникнуть в труднодоступное жилище. Вскоре этот пример распространился, и большое количество домов стали строиться именно на таком принципе.

Пьер поверить не мог, что вот наступил день, когда отголоски подобных историй он наблюдал воочию, а не со страниц географических журналов.

Миновав очередную улочку, мужчины очутились на прямой дороге, мощённой прямоугольными камнями, выводящей к порту.

– Нам нужно дойти до порта и затем пройти ещё около четверти мили вдоль берега, там будет катер Арнава. – шёпотом сказал Баллард, и мужчины сами того не заметили, как перешли на ускоренный шаг.

Переговоры, ради которых его сюда отправили, так и не состоялись. Пьер размышлял по пути о том, чем могли быть заняты мысли его руководителя и некоторых коллег в эти дни. Во всём известном ему до этого путешествия мире теперь царил праздник и повинувшись отчасти традициям, отчасти банальному конформизму, люди пытались заставить себя поверить в то, что они действительно наслаждались своей жизнью. Но если в этом стремлении ещё можно было найти отблески рациональности, ведь надежда, хоть и мнимая, часто выступает едва ли не единственным двигателем человеческой жизни, то куда отвратней выглядело притворство людей, которые разменяли уже несколько десятков лет своей жизни и продолжали делать вид, будто бы им действительно верилось, что смена календарных дат способна привнести в их существование что-то новое. Пьер сам, долгое время, оставался одним из таких людей, и теперь он с особой остротой понимал, как сильно отличалась реальность от той мнимости, что существовала только лишь в коллективном сознании жителей крупных городов благополучных стран. Это могло казаться ещё более странным, что чем более неожиданный оборот принимала текущая ситуация, тем менее Пьеру хотелось даже думать о том, что у него ещё не так давно была возможность вообще избежать всей этой истории.

Двигаясь вдоль берега, мужчины наконец то почувствовали себя в относительной безопасности от постороннего внимания, поскольку стоило им отдалиться от порта и исчезли те немногие уличные фонари, что освещали порт. Теперь повсюду царила темнота, и только звёздное небо с бледной луной отражалось в беспокойной поверхности прибрежных вод.

В какой-то момент, впереди себя, мужчины увидели несколько ярких вспышек. Это были две короткие вспышки, после которых последовала пауза, затем уже три вспышки пронзили тьму в том же самом месте, источник необычного явления находился на самом берегу. Баллард остановился, и Пьер последовал его примеру. Было видно, что профессор имел слабое представление о том, чем могло быть это непонятное явление.

Последовало четыре вспышки, затем пауза. Затем ещё пять вспышек и такая же по своей продолжительности пауза. Было ясно, что кто-то посылал сигналы, выполняя роль маяка.

Переведя дыхание, профессор пошёл вперёд, и Пьер последовал за ним. В какой-то момент вспышки прекратились и сквозь спокойный шум волн, послышался звук, которого Пьер никак не ожидал услышать. Это были характерные фырканы лошадей. Затем раздался мужской голос, кто-то говорил на хинди, адресуя короткие, отрывистые фразы наподобие команд.

Наконец, когда они приблизились достаточно, для того, чтобы различить очертания катера, им в лицо ударил яркий луч света. Опёршись одной ногой на край борта, стоял высокий мужчина, худощавого телосложения, с характерными для индуса чертами лица. Его чёрные, кудрявые волосы были отпущены до некоторой длины и собраны специальной чёрной лентой

так, чтобы локоны не падали на глаза. Мужчина держал в руке мощный прожектор и направлял его луч прямо на Балларда.

К удивлению Пьера, мужчина на катере сразу же заговорил на английском, что свидетельствовало о его опыте ведения дел с иностранцами.

– Ты говорил, что будешь один! Кто этот второй, позади тебя?

Профессор обернулся к Пьеру, затем вновь посмотрел на Арнава, прикрывая свободной рукой глаза.

– Это мой компаньон, он работает со мной, всё в порядке.

– Всё будет в порядке, когда ты расплатишься за хлопоты, которые мне пришлось пережить, добывая для тебя этих кляч.

Пьер понял, что его наблюдательность не подвела его, в катере действительно было лошади. В ответ на реплику Арнава, Баллард рассмеялся и поспешил на борт. Всего, на борту, под сооружённым навесом было четыре животных, одна кобыла и три жеребёнка, все одной масти. Животные переминались с ноги на ногу и то и дело фыркали, очевидно, им было неприятно находиться на плавательном судне.

– Отлично! Очень хорошо! – констатировал Баллард, буквально ощупывая животных, словно убеждаясь, что они были настоящими.

– Обычно при выборе клячи, – заметил Арнав – проверяют её зубы, а ты их по шерсти судишь.

– У меня не будет времени сожалеть из-за состояния их зубов, Арнав. То, что ты достал, великолепно подходит нашей миссии.

– Стало быть, я жду своё вознаграждение. – заявил индус.

– Не раньше чем мы сойдём на нужный нам берег. – отрезал Баллард, очевидно воодушевившись наблюдаемыми условиями.

Арнав ухмыльнулся и пробормотал что-то едва различимое для слуха иностранца, для которого хинди не был родным языком.

Мотор катера взревел, и Пьеру показалось, что было не вполне разумно устраивать такой шум в ночной час, но Арнав, разумеется, знал лучше. Судно помчалось в направлении, выставленном на электронном навигаторе, которым пользовался владелец катера. Пьер был несколько удивлён, когда увидел, что вся его работа индуса строилась на современных технологиях и принципах. Из-за периодических качек, жеребята издавали тревожное ржание и жались к кобыле. Баллард, наблюдая за подобной реакцией животных, только довольно улыбался. Затем, заметив, что Пьер недоумевал, пытаясь понять, что именно вызывала у профессора подобную реакцию, Баллард объяснил:

– Видишь как в случае чего к ней жмутся? Это указывает на их родство, ну в смысле, что жеребята от этой кобылы.

Пьер пожал плечами, он всё равно не понимал, почему это должно было вызывать у профессора такой восторг.

– Я опасался, – объяснял Баллард, и ему приходилось пригибаться к Пьеру, чтобы тот мог слышать его слова через шум мотора и плеск разрезаемой катером воды – что владельцы животных могли подсунуть Арнаву жеребят другого помёта, а для нашей задачи родство животных – критичный фактор!

Это последнее замечание сильно удивило Пьера. Он был готов себе представить, если бы Баллард вдруг решил путешествовать по острову на лошадях, в этом можно было бы проследить некоторую логику, однако жеребята и родство с кобылой, это уже выходило за пределы понимания. Из-за сложившихся на катере условий, не было никакой возможности просить профессора пояснить суть ситуации.

Пьер никогда в жизни не путешествовал на катере, и впечатления были от этого ещё более незабываемыми. Крепко вцепившись обеими руками за край борта, он смотрел вниз, как

вспенивалась чёрная вода. Ему хотелось бы попробовать коснуться ладонью бурлящей поверхности, но в то же самое время он понимал, что это была далеко не лучшая идея, учитывая скорость и высоту самого борта. Стоило выпасть за борт, и в этой чёрной, ночной воде, как это казалось самому Пьеру, его бы не за что не нашли. Да и к тому же, Арнав вряд ли стал бы глушить мотор и устраивать спасательные работы. Было похоже, что индус в какой-то степени оставался недоволен ситуацией, из-за того что Баллард платил ему сумму, которая оговаривалась изначально, когда профессор заявлял лишь одного пассажира на борту катера. Теперь же выяснялось, что пассажиров было двое, а размер выручки Арнава не возрастал. С другой стороны, продолжал думать Пьер, ещё до недавнего момента нас вообще было трое, и оттого не трудно представить какой была бы реакция индуса, если бы на борт его судна взойшёл ещё и Кхамап.

Мысль о Кхампе вновь вызвала у Пьера неприятное чувство. Хуже всего было то, что он не знал, что случилось с пожилым индусом. Самым лучшим исходом, в который хотелось верить больше всего, была идея о том, что Кхамап попросту испугался и отказался от идеи продолжать авантюру. Он, в конце концов, оказался в противоположной части большой страны, и теперь мог скрыться от кашмирских бандитов здесь. Ещё одной мыслью, которой пытался успокоить себя Пьер, было его допущение, как если бы Кхамап, после прошлого разговора о Порт Блэре и «Азад Хинд» счёл не плохой идеей перебраться на Адаманский остров и продолжить проживать свою жизнь там. Очевидно, что группа влияния из Кашмира не рискнула бы сунуться в самое сердце столь авторитетной и устрашающей организации.

Но все эти идеи оставались лишь догадками, и покуда не было достоверных подтверждений, Пьер продолжал испытывать разумные опасения. Кхамап знал слишком много о всей афере, в которой участвовали два иностранца, и хотя он создавал впечатления более чем порядочного человека, было бы попросту наивным отрицать факт «двойного дна» в душе каждого, кто сталкивался с тяжкими жизненными невзгодами и боролся за собственное выживание.

Пьер утратил счёт времени, отдавшись собственным мыслям, поэтому он не сразу заметил, когда двигатель катера умолк и постепенно судно замедлило свой ход.

– Приготовиться! – выкрикнул Арнав, и Пьер увидел, как Баллард поспешил покрепче вцепиться в край борта. Через несколько секунд последовал глухой удар, передняя часть днища катера соприкоснулась с твердью берега. Так как скорость уже была незначительной. Ни о каких повреждениях судна речи идти не могло, но вот импульс передался пассажирам, и Пьер был благодарен собственной расторопности, что он успел последовать примеру Балларда. Хуже всего пришлось всё тем же животным, которые не позаботились о своей устойчивости и два жеребёнка налетели на борт, но устояли на ногах. Профессор, видя это, выругался и поспешил проверить, не получили ли животные травму.

С жеребятами всё было в порядке и Баллард облегчённо выдохнул. Пьер, тем временем всматривался за борт. Было не удивительно, что он не заметил остров издали, на берегу не было практически никакой растительности, кроме редких, убогих кустарников, едва колышущийся на ветру. Только сейчас Пьер заметил, что воздух стал намного свежее и прохладнее, в основном благодаря настойчивому морскому бризу.

– Ну что, Баллард! – проговорил Арнав, облокотившись о штурвал катера – Мой бумажник изголодался по валюте, а твои ноги, должно быть, истосковались по прибрежной гальке. Я, признаться, не перестаю удивляться тебе. Ты прибыл из лучшей страны в этом треклятом мире, чтобы добровольно и за свой счёт высадиться на остров смертников. Я никогда не забуду тебя, будь уверен.

Затем, индус повернулся к Пьеру и посмотрел на мужчину.

– Мне лучше не знать, что вас связывает, ребята, но следующие ваши несколько дней станут для вас незабываемыми, потом вы умрёте.

– Как то не очень оптимистично с твоей стороны. – ответил Пьер, набравшись достаточно решимости, чтобы заговорить с индусом, от которого веяло дерзостью.

Арнав весело рассмеялся, затем ответил:

– Это всё зависит от вас, ребята. Если вы сохраните оптимизм на нескольких следующих дней, то я рад за вас. Я же сохраню приятные воспоминания о деньгах, которые выручил со всей этой сделки, ведь так, господин Баллард?

Баллард, который до этого момента был занят тем, что вынимал что-то из своего рюкзака, наконец, встал в полный рост и повернулся лицом к Арнаву. Пьер в первую же секунду, когда увидел в руке профессора пистолет, испытал шок, но уже в следующее мгновение, когда в предутреннем пространстве прогремел выстрел и к свежему морскому бризу примешался аромат пороховых газов, мужчина буквально обомлел.

Арнав упал на пол, получив ранение в грудь. Профессор целился в серединную часть груди, намереваясь ранить не столько сердце, фактическое расположение которого, вопреки распространённому заблуждению, варьировалось у каждого конкретного человека, сколько в грудной отдел аорты. Очевидно, профессору это удалось, и индус скончался в считанные секунды, едва успев понять, что же с ним произошло.

Незначительное количество крови всё же попало на пол палубы, и Баллард выругался убирая оружие. Только теперь Пьер увидел компактную кобуру открытого типа, позволявшую носить оружие незаметно, располагая на самых различных участках тела, в зависимости от одежды. Профессор подошёл к тому месту, куда попала кровь и попробовал растереть её ногой, разумеется это не привело ни к какому положительному эффекту. Кровавый сгусток размазался по доскам, оставляя яркое пятно.

– Подчерпни немного воды снаружи, Пьер. – как ни в чём не бывало, попросил Баллард – Солёная вода должна нам помочь, пока кровь не засохла.

Пьер, сам не веря в происходящее, поспешил к тому месту, где у катера находился люк и складная лестница, по которым пассажиры всходили и покидали судно. Здесь же было небольшое пластиковое ведро, о назначении которого можно было только догадываться, в него Пьер зачерпнул океанской воды и принёс Балларду.

Профессор уже отодвинул труп Арнава в сторону, и посмотрел за борт.

– Вообще-то, – заговорил Баллард – не мешало бы сделать небольшой крюк на этом корыте и выбросить тело подальше от берега. С другой стороны, лошади и без того натерпелись, а здесь никого не бывает. Сдаётся мне, что можно и здесь от трупа избавиться.

Он жестами указал Пьеру на ноги покойника и они вместе выбросили тело за борт, с той стороны катера где было глубже. Затем профессор сам, очевидно не доверяя столь важную процедуру ещё не пришедшему в себя Пьеру, затёр кровавое пятно на палубных досках. Он оказался прав, вода из океана облегчила задачу с выведением пятна, однако теперь, когда Пьер смотрел на то место, где это пятно недавно находилось, он не мог отделаться от ощущения, что на досках в этом самом месте вновь проявляется контур кровавого следа.

– До рассвета делать на берегу нечего. – заключил Баллард, – а мы очень мало отдохнули.

Он напоил лошадей пресной водой, которая была приготовлена для них и хранилась в большой пластиковой канистре.

– Давай немного выспимся и уже тогда возьмёмся за дело.

На катере были сложенные спальные мешки и только одно настоящее койко-место, которым, очевидно, пользовался Арнав. Баллард разложил для себя спальный мешок, и устроился на полу. Пьер хотел было последовать его примеру, но, пребывая всё в том-же молчании, попросту опустился на пол, опёршись спиной о борт. Ни о каком сне речи идти не могло, его взгляд был словно прикован к тому месту, где профессор несколькими минутами ранее, зати-рал кровавое пятно.

Хотя всё ещё было очень темно и на горизонте отсутствовали какие бы то ни было признаки грядущего утра, Пьеру казалось, что место, куда попала кровь убиенного индуса начало светиться.

Мужчина зажмурился и несколько раз встряхнул головой, затем вновь посмотрел на пол, убеждаясь, что кровавый след был, во многом, лишь игрой его воображения. Ему вспомнилось знаменитое «сердце-обличитель», о котором писал когда-то Эдгар По. К счастью, так рассуждал теперь Пьер, сердце Арнава не было извлечено из его груди. Скорее всего, оно было разорвано одним единственным ударом пули и теперь вместе с остальной биологической массой, мерно бултыхалось на спокойных волнах, не далеко от борта катера.

Пьер задумался над тем, сколько времени в действительности понадобится, прежде чем обитателям местных вод удастся пожрать тело индуса без остатка, скрывая следы совершённого Баллардом преступления? И станут ли они поедать скелет?

Оборотной стороной этих мыслей были размышления о времени, о той материи, что имела столь определяющее значение относительно всего самого важного для человека.

«— Сколько времени я уже в пути?» – задался вопросом Пьер, понимая, что он досконально точно знал, сколько дней назад он оставил Париж, свою квартиру, привычный шум автомобильной дороги под окном, запах выхлопных газов – неминуемый бич больших городов, неизменный новостной шум, заглушить который не удавалось даже не имею в квартире телевизора или радио. Пьер вспоминал, как в день его убийства, несколько улиц Парижа были наполнены манифестантами, выступавшими с очередными требованиями к недавно избранному президенту. Это была уже четвёртая по счёту демонстрация за неделю, и хотя результаты социальных потуг пока что были сомнительными, люди, похоже, жили этим, возможно сами того и не понимая.

«— Здесь никто ничего ни у кого не требует» – подумал Пьер, глядя на палубу – «Здесь каждый берёт по мере сил. С другой стороны, сложно не взять, а удержать»

Усталость дала о себе знать, и в какой-то момент Пьер всё же заснул. Во сне он ожидал, что обнаружит себя в старом добром Артуа времён его детства, возможно даже рядом с ещё живой матерью. Они непременно будут прогуливаться по лесу, в котором не будет места ничему кроме пения птиц, шелеста листвы на деревьях и аромата трав. Однако, вопреки ожиданиям, Пьер вновь был на борту катера, сидя спиной к внутренней стороне борта. Было светло, солнце уже стояло в зените, и от палубных досок пахло выделившейся смолой, как если бы они не были покрыты лаком.

Жара была невыносимой и Пьер почувствовал жажду, она отразилась металлическим привкусом у него во рту.

Поднявшись на ноги, он посмотрел вокруг, не обнаружив Балларда, он поспешил к той части катера, где под навесом должны были стоять лошади. Ему было неприятно от одной только мысли, как животные смогут перенести подобные условия. Однако лошадей тоже не было на месте и первой мыслью, которая посетила мужчину, стало допущение о том, что Баллард попросту проснулся раньше и уже отправился на остров, забрав с собой животных. Он так и не рассказал Пьеру о том, какая роль была отведена этим созданиям и фантазия мужчины рисовала самые отвратительные картины. Царившая жара и пустынный характер острова, наводили на мысль о неминуемых проблемах с обеспечением питьевой водой.

«— Но не станет же Баллард вести с собой лошадей, чтобы пить их кровь время от времени?» – подумал Пьер, предпочитая отогнать эту мысль, поскольку она казалась ему наименее вероятным допущением из-за своей экстраординарности и сложности – «Он мог бы просто взять с собой побольше питьевой воды»

Внезапно мужчина заметил, что сам катер вовсе не находился у берега, как это было ночью. Теперь, куда бы не посмотрел Пьер, повсюду до горизонта простиралась голубая гладь океанских вод. Нигде не было ни единого намёка на остров. Вода была спокойной, словно в

штиль, и мужчина испытал неподдельный ужас. Он вдруг понял, что оказался один на катере, в открытом океане, без каких либо представлений о навигации. Палящее солнце угрожало убить его не менее эффективно, чем это сделала бы инфекция в трущобах Тутикорина.

Он поспешил к штурвалу, туда, где находилась панель запуска двигателя. В замке зажигания по-прежнему стоял ключ, и Пьер попытался запустить двигатель катера. В ответ на поворот ключа он услышал лишь жалобные стоны двигателя, предпринимавшего попытку запуститься. Это продолжалось ровно столько, сколько сам Пьер пытался заставить двигатель заработать.

Нехитрая приборная панель позволяла судить о солидном количестве топлива, и больше Пьер не смог распознать никаких существенных признаков.

Оставив бесплодные попытки запустить двигатель, мужчина вернулся к борту, у которого провёл ночь.

«— Куда мог деться Баллард и что случилось ночью?» – таким вопросом теперь задавался Пьер, пока не услышал характерный всплеск воды, где-то рядом с бортом, на противоположной стороне от того места, где он стоял. Он уже хотел подойти к тому борту и посмотреть, что стало источником этого звука, но в этом отпала всякая необходимость, когда он обернулся и увидел, как на противоположной стороне палубы, прямо напротив него стоял Арнав.

С индуса стекала вода, образуя под ним небольшую лужу. Его одежды были вымокшими насквозь и плотно прилегали к худощавому телу. Намокшие волосы налипали локонами на лоб, и Арнав был вынужден рукой отбрасывать их в стороны. Разумеется, более всего остального в облике индуса выделялась рана в груди. Её края приобрели тускло-розовый оттенок, и льняная рубаша частично западала внутрь.

Пьер не решался заговорить первым, молча глядя на Арнава, который, наконец, приведя себя в порядок и закончив бороться с непослушными волосами, улыбнулся ему.

– Что-то ты не далеко продвинулся в своих поисках. – заметил Арнав, направившись в сторону штурвала, туда, где ещё совсем недавно стоял Пьер, пытаясь завести двигатель катера.

Подойдя к приборной панели, индус со знанием дела осмотрел различные индикаторы, принимая во внимание показания приборов.

– Неудивительно, – комментировал свои наблюдения Арнав – аккумулятор посажен, теперь так просто не запустить.

Затем он посмотрел на Пьера, который стоял в нескольких метрах от него.

– У меня нет вёсельного отдела, чтобы грести, понимаешь? – индус сопровождал свои слова жестами, делая это специально медленно, как если бы Пьер не понимал его.

Пьер понимал Арнава, тот говорил на хорошем английском, однако само обстоятельство появление убитого в мире живых лишило Пьера дара речи. Всё, о чём он теперь мог думать, было простым подбором наиболее логичных допущений, которые могли бы хоть как-то объяснить происходящее и тем самым нивелировать травмирующий эффект непостижимой абсурдности.

– Он ведь убил тебя. – проговорил Пьер – Убил и выкинул в воду!

Арнав по-прежнему улыбался.

– Ты не понимаешь, верно? Ты знаешь, что означает слово «арнав» на хинди?

Пьер только покачал головой, он не имел ни малейшего представления.

– На хинди это означает «морской, рождённый волнами» Понимаешь? – спросил индус, но видя, что его собеседник по-прежнему не мог отделаться от произведённого на него впечатления, решил пояснить – Когда вы вышвырнули мой труп в воду, я вновь ожил, соприкоснувшись с эссенцией, меня породившей.

В воздухе повисло непродолжительное молчание, прежде чем Арнав зашёлся закатыстым смехом, заставляя Пьера тоже улыбнуться нелепости сказанной фразы.

– Разумеется он меня убил, мне следовало этого ожидать, в конце концов. – сказал индус, когда прекратил смеяться – Мы подошли к весьма деликатным материям, не так ли. Назовись!

– Что прости? – переспросил Пьер, не поняв с первого раза, что имел в виду Арнав.

– Как тебя зовут? Назови своё имя.

– Я Пьер. – ответил мужчина, немного растерянно, сам не понимая причины своего внезапного смущения.

– Пьер. Ты издали, так ведь.

Пьер кивнул в ответ.

– Ты не должен сходить на берег Пьер. Запомни это. – проговорив эту фразу, прозвучавшую как нечто среднее между инструкцией и советом, Арнав несколько отстранился от приборной панели – У меня в трюме есть запасная аккумуляторная батарея. Она устанавливается в двигательный отсек, по тому же принципу, что и с автомобилем, ты знаешь. Замени батарею, заводи двигатель и бери курс на сто семьдесят три градуса от берега проклятого острова. Так ты вернёшься в Тутикорин. Но когда увидишь порт, постарайся просто вырулить на несколько миль восточнее, там будет естественная бухта, примерно в том самом месте, где я вас подобрал минувшей ночью. Там причалишь. Это не сложно, просто выставь ступень передачи в нейтральное положение примерно за четверть мили до берега и приблизишься накатом.

– Что это значит? – спросил Пьер – Почему я должен уходить?

– Потому что на этот остров прибывали люди, чтобы умирать. Я отнёсся к этому обстоятельству с излишней небрежностью и вот видишь, что вышло. Твой друг Баллард тоже на полпути к тому, чтобы оказаться рядом со мной. Но ты, похоже, у тебя ещё есть шанс.

– Что это за остров? Почему ты считаешь, что он опасен? – не отступал Пьер.

– На то много причин, Пьер. Этот остров совсем не то, чем кажется.

Арнав словно утрачивал желание вести дальнейший диалог с Пьером, с каждой сказанной фразой он медленно, не отворачиваясь от собеседника, приближался к борту, из-за чего Пьер сам последовал за ним, он считал, что должен был получить от неизвестно как вернувшегося к жизни мужчины объяснение.

– Но как всё это понимать? Куда делся Баллард и почему мы здесь?

– Ты счастливчик, Пьер. – ответил Арнав, когда он наконец приблизился вплотную к борту катера – О тебе есть, кому позаботиться, но ты должен быть внимательней. Ты как никогда близок к тому, чтобы ошибиться.

Сказав это, Арнав развёл руки в стороны и поднял лицо к палящему солнцу. На его лице всё ещё играла его улыбка, когда он отклонился назад, перекидывая торс через борт катера и в одно мгновение упал вниз, в воду, вызвав при этом бурный всплеск воды. Пьер не успел ничего сказать, он помчался к краю палубы, к борту и наклонившись над ним, всмотрелся в воду, мерно бьющуюся о борт судна. Не осталось ни единого следа, ни единого всплеска от фигуры, поглощённой пучиной.

Потратив несколько минут на безмолвное созерцание водной поверхности, Пьер решил вернуться к своим делам, он хотел было пойти туда, где по его мнению мог находиться палубный трюм, чтобы отыскать аккумулятор, но на него внезапно навалилась усталость. Сперва он подумал, что это мог быть результат чрезмерного воздействия палящего солнца, но вскоре он эту мысль отбросил, поскольку обнаружил себя вновь стоящим на палубе, возле того самого места, где было удалено кровавое пятно.

От яркого солнечного света не осталось и следа, зато небо стало светло-синим, и из-за горизонта уже вырисовывался солнечный диск.

Ещё прохладный воздух начинал заметно прогреваться, и до слуха Пьера донеслось фыркание жеребят и голос Балларда.

– Дружище, ты что, дар речи потерял? Хорошо себя чувствуешь?

В нескольких шагах от Пьера стоял профессор, в своём снаряжении, с водружённой на голову шляпой.

– Я заметил, ты как-то странно косишься на это место. – сказал Баллард, тоже теперь посмотрев на пол – Ты, как никак, переживаешь из-за случившегося? Брось! Это была необходимая мера. Этот проходимец собирался взять деньги и убраться восвояси. Нет, я пробовал его убедить остаться и дожидаться нашего возвращения, чтобы мы могли вернуться обратно в порт. Я даже предлагал ему щедрый гонорар за каждый дополнительный час ожидания, но он всё твердил про этот остров, что мол здесь люди исключительно умирают. В общем, очередная религиозная ерунда. А что нам оставалось делать? Ну скажи ты, если считаешь, что я поступил скверно! Какой нам с тобой толк от золота, если бы мы не смогли выбраться с острова?

Пьер предпочитал слушать профессора молча, лишь изредка, жестами, давая ему понять, что его слова находили хоть какой-то отклик в сознании мужчины.

– К тому же, после вчерашнего разговора в кофейне с этим Кхамапом, помнишь? Он меня заставил серьёзно призадуматься, знаешь ли. Что, если Арнав в действительности член этой «Азад Хинд»? Думаешь эти ребята позволили бы нам вот так запросто наладить наш бизнес у них под носом? Слишком много ненужных рисков, я тебе скажу.

– Баллард, – впервые за всё то время, что они путешествовали, Пьер вдруг произнёс его имя – скажи, а ты точно не имеешь никакого отношения к исчезновению Кхамапа?

Профессор снял шляпу, на его лице заиграли желваки, а взгляд метнул молнии.

– Ты что, подозреваешь меня в чём-то? – спросил он – Компаньоны не должны скрывать друг от друга ничего, что касается их общего дела! Уяснил? Этот твой индус слинял без моего и твоего ведома, просто потому что ему не захотелось работать здесь. Или он испугался очередного местного проклятия, кто знает. В любом случае, я не имею к этому никакого отношения. Теперь у нас есть катер и всё необходимое для успешного выполнения нашей миссии. Давай не будем терять время на глупые подозрения и дразги, хорошо?

Пьер пожал плечами, понимая, что спорить с Баллардом было бессмысленно и небезопасно.

Приготовления длились совсем недолго и вскоре мужчины уже были заняты тем, что спускали животных на берег. К удивлению обоих мужчин, кобыла и жеребята довольно бойко сошли на берег, очевидно, они уже успели устать от длительного стояния в замкнутом пространстве отведённого им места на катере. Если кобыла вела себя довольно спокойно, то жеребят пришлось удерживать за поводья, так как они принялись резвиться, разбрызгивая воду, вспенивая её частыми ударами копыт.

Баллард приспособил специальные крепления на кобыле, что позволило возложить на неё некоторый груз. Пьер заметил, что ни для кобылы, ни для жеребят не предусматривалось сёдел, а следовательно Баллард не намеривался использовать их для верховой езды. На кобылу погрузил какие-то мешки, и ни одного инструмента. Пьер поинтересовался, как же они собирались добывать золото, не имея ни лопат, ни других инструментов. В ответ профессор заявил, что специфика золотодобычи на этом острове такова, что для этого следует приложить изобретательность а не физическую силу. Тогда Пьер спросил, почему не погрузить хотя-бы небольшую часть ноши на каждого из пышущих энергией жеребят, и Баллард ответил, что тем следовало экономить силы.

Вопреки предупреждению, полученному в своём сне, Пьер теперь шёл по выезженной лучами солнца земле глядя на свою тень, которая стелилась по горячей поверхности высушенной почвы. Этому тёмному контуру, повторяющему в точности все его движения, не было ведомо то гнетущее ощущение, которое не покидало Пьера. Он то и дело поглядывал на Балларда, который не выпускал из рук карту, периодически сверяясь с ней. Бумажная карта была уже сильно измята и местами протёрлась насквозь, а теперь, из-за жары, пот с лица профессора, крупными градинами падал на исчерченную линиями поверхность. Баллард всякий раз пытался поскорее смести влагу с изображения, и местами ему удалось размазать наиболее яркие отметки.

Пьер несколько раз спрашивал, насколько профессор бы уверен относительно выбранного направления, и Баллард отвечал, что сомнений у него не было. Каждый свой ответ, Баллард сопровождал рекомендацией Пьеру не тратить силы понапрасну и не переживать. Кроме того, как говорил Баллард, необходимо было избегать длительной экспозиции открытых участков тела солнечным лучам. Можно было легко получить ожог, или тепловой удар.

Путники имели при себе достаточное количество воды, чтобы обеспечить свои нужды на два дня, при условии соблюдения строго режима потребления жидкости. Этот режим разработал сам профессор и согласно ему, необходимо было делать по одному-двум глоткам воды каждые пятнадцать-двадцать минут если мужчины шли.

Пьер наблюдал за тем, какая растительность обитала в этой местности. Растительный мир был представлен убогим кустарником, листва которого имела зачаточное состояние. Предположение здесь уделялось плотному, прямому стволу, очевидно, на манер кактусов, в таких стволах могла накапливаться добываемая из-под земли жидкость.

Пьер спросил Балларда, почему они не рассматривают данные растения в качестве альтернативных источников жидкости и профессор объяснил, что проведённые им исследования образцов, добытых при прошлой экспедиции на остров, выявили наличие в жидкости этих растений вещества, которые могут воздействовать на организм человека как токсины, вызывающие судороги.

Для того, чтобы поддерживать лошадей, вода тоже была припасена, но Баллард признался, что относительно водного рациона животных, расчётов он не проводил и не был уверен, до какой степени можно было позволить лошадям потреблять воду. Кроме того, профессор с трудом себе представлял, как он бы смог контролировать объём жидкости, которую потребляло каждое из животных.

Вскоре впереди показались горы, ставшие целью экспедиции. Пьер, увидев место назначения воочию, испытал некоторое удивление. Под термином горы он традиционно понимал природные сооружения, возвышающиеся над землёй на несколько сот метров, на протяжении которых происходит поэтапная смена флоры, в зависимости от того, на каком уровне находится тот или иной сегмент горы. Однако, горы на безымянном острове представляли собой скорее высокие холмы. Они были покрыты всё той же выжженной почвой, которая расстилалась повсюду. Один холм был повыше другого, и его вершина чем-то напоминала вершину усечённого конуса.

Когда Баллард заметил, что Пьер устался на холмы, он заявил, что они были уже близко к месту назначения.

Гораздо большее удивление Пьера вызвало обнаружение небольшого палаточного городка. Уж чего-чего, а этого он не ожидал. Это был небольшой лагерь из пяти палаток среднего размера, одна из которых едва завалилась набок. Палатки, снаружи, были покрыты слоем пыли и даже беглого взгляда оказывалось достаточно, чтобы понять, что в этом лагере никто не обитал.

– Это место нашего прошлого стойбища. – заявил Баллард – Животные смогут здесь отдохнуть и укрыться от солнца.

Пьеру пришлось по душе идея предоставить лошадям отдых, из-за их анатомических особенностей, они намного хуже переносили местные условия. Сам мужчина тоже был бы не прочь отдохнуть, но когда он и Баллард разместили кобылу с жеребятами под сооружённый из повалившейся палатки тент, профессор сказал, что им вдвоём предстоит ещё совершить вылазку к холмам.

Вполне вероятно, что та степень усталости, которую испытывал Пьер, заставила бы его возразить профессору и предложить сперва отдохнуть, но Баллард пообещал, что эта вылазка послужит финальным аккордом путников перед тем, как они преступят к самому главному – извлечению золота.

Пьер по-прежнему не понимал, как это будет возможно, за неимением какого либо инструмента. В конце концов, мужчины оставили все лишние вещи в лагере, и пошли дальше.

– Могу я спросить тебя, о чём ты думал весь этот путь? – задал вопрос Баллард, искоса поглядывая на Пьера, пока они шли в направлении холмов.

– О многом. – ответил Пьер, даже не удостоив профессора взгляда, понимая, что тот всё равно услышит его – Главным образом о том, как протекает наша жизнь и как мы можем её изменить.

– Эти глупцы, в основном, полагают, – говорил Баллард, очевидно ссылаясь на индусов – что судьбу нельзя изменить. Что человек умирает там и тогда, когда ему это определено.

Пьер улыбнулся.

– Мне кажется, они заблуждаются, но я бы не стал называть их из-за этого глупцами.

– Отчего же? Ты же понимаешь, что мы с тобой здесь, в километре от золота, которое исторгается на поверхность этой земли, в то время как люди, которым эта земля принадлежит, не решаются даже протянуть руку, уверовав в свои собственные иллюзии.

– Мне кажется, – отвечал Пьер, после некоторого раздумья – их, как ты говоришь, «иллюзии» в данном случае формируют ту основу, на которой они живут. Золото для них не самое главное. Они долгое время, почти что сто лет, были колонией для Британской империи, и золото выуживалось из их недр тоннами, но если бы они позволили забрать у них их убеждённости, их идеалы, то вряд ли они смогли бы вновь стать самодостаточным народом.

– Стало быть ты считаешь, что наши легенды и верования в каком-то роде определяют нас самих? – несмотря на ухмылку на лице Балларда, его вопрос прозвучал искренне, и Пьер был удивлён такой заинтересованностью его мнением.

– Мне кажется, что мифотворчество, это одна из основополагающих способностей человека, сделавшая его тем, кто он есть. Недаром каждая культура имеет в своём фундаменте текстуально-выраженный миф, на котором уже строится культура и ментальность общества, иначе библия, коран, талмуд и другие священные писания уже давно превратились бы в памятники истории, но они продолжают жить с людьми.

Баллард ничего не ответил, предпочтя о чём-то задуматься и попытаться разобраться в своих мыслях в молчаливом одиночестве. Представившаяся Пьеру возможность пройти остаток пути молча была использована для того, чтобы вновь вспомнить свои недавние сны. Всякий раз, когда мужчина устремлял свой взгляд на холмы впереди, в его памяти словно вздрагивали какие-то слои накопленных воспоминаний.

– Тормози. – сказал вдруг Баллард, когда от ближайшего из холмов путников отделяло несколько сот метров.

Рядом находились груды валунов, нагретые парящим солнцем. Профессор призвал Пьера поскорее зайти за эти валуны. Здесь, в образовавшейся тени, мужчины присели на пыльную землю и пропустили по несколько глотков тёплой воды из фляг.

Баллард расчехлил небольшой походный бинокль, который уже давно заприметил Пьер. Удерживая устройство в руках, профессор подкручивал лимб, выбирая какие-то настройки, затем он посмотрел на Пьера и проговорил:

– Ты должно быть всё недоумеваешь по поводу этих лошадей, которых мы с собой притащили, и почему у нас нет инструмента?

Пьер лишь пожал плечами и ничего не ответил.

– Вот, возьми и посмотри туда, к подножью холма. – Баллард протянул компаньону бинокль – Только осторожней, смотри, чтобы прямой солнечный луч не попал в окуляр, рискуешь получить ожог сетчатки.

Пьер принял бинокль, затем вышел из тени валунов и осторожно направил устройство в нужную сторону. То, что он увидел должно было оставить в нём неизгладимый след, посеяв

панику и страх. Однако, сам того не понимая почему, его не покинуло присутствие духа. И хотя от увиденного могло перехватить дыхание, Пьер обнаружил, что он владел собой как никогда ранее.

Там, на расстоянии около трёх ста метров от позиции, которую заняли путники, у самого подножья первого из холмов, из стороны в сторону сновали муравьи.

Пьер сперва отодвинул от себя линзы бинокля, чтобы убедиться, верно ли он использовал прибор, но сомнений не оставалось, у подножья холма сновали муравьи, каждый из которых был высотой со среднюю собаку, породы немецкой овчарки. Длина туловища каждого насекомого была не менее внушительной, и Пьер, на глаз, определил её как полтора– один и восемь метров, что в принципе соответствовало росту взрослого человека.

Гигантские муравьи были заняты своими делами, они сновали из стороны в сторону, то исчезая в овальных проходах, оставленных в земной поверхности, то вновь появляясь из них.

Не потребовалось обладать излишней наблюдательностью, чтобы понять, что ходы в земле были связаны с гигантскими холмами, которые, по всей очевидности были муравейниками.

Отведя бинокль от глаз, Пьер прикрыл глаза и в его сознании всплыли образы из его детского видения, посетившего его в лесу, недалеко от Артуа. Он вновь мчался по извилистым ходам муравейника, теперь, однако, он замечал, что странные, казавшиеся ему тогда необычными, внутренние своды ходов были сделаны из песчаника.

– Впечатляет, не так ли? – спросил Баллард, не покидая своего места – Можешь представить, каково было нам, когда мы нашли это место.

Пьер ничего не ответил и вновь приставил бинокль к глазам. Теперь он увидел, как сразу несколько муравьёв показались на поверхности, покинув свои ходы, удерживая в мощных челюстях крупные золотые самородки. Насекомые, повинаясь одной только им понятной логике, выкладывали самородки на поверхности, позволяя горячим лучам солнца нагревать их. Теперь Пьер видел, что обширное пространство на некотором удалении от подножья холма было буквально устлано золотыми самородками.

Пьер вернулся обратно, в тень большого валуна и передал бинокль обратно Балларду, профессор бережно убрал прибор в чехол.

– Зачем они это делают? – спросил мужчина, после того как промочил горло небольшой порцией воды.

Профессор снял ненадолго шляпу и вытер вспотевший лоб, затем вернул головной убор на своё место и ответил:

– Есть здесь кое какая легенда. – ответил Баллард, словно извлекая какие-то воспоминания из наиболее удалённых закоулков своей памяти – Всё, что мы здесь обнаружили ещё во время нашего первого визита на остров, так или иначе перекликалось с мифами о Тапробане, земле Иоанна Пресвитера. Согласно рукописям, оставленным Селевеком первым Никатором, который долгое время служил личным телохранителем Александра Македонского и сопровождал завоевателя во всех его походах, его личные послы и курьеры в городе Паталипутра, что в Индии, докладывали о делах тамошнего раджи с островной автономией. Селевек Никатор, в частности, подчёркивает такой любопытный момент, он говорит, что у Тапробаны нагретая поверхность, из-за постоянно яркого солнца днём. При этом, даже ночью, когда воздух в почти что пустынной местности становится прохладным, почва не успевает остыть. Но причина скудной растительности заключается в том, что помимо испепеляющего солнца, в недрах острова находится ледяное ядро.

Пьер предпочёл воздержаться от комментария по этому поводу, обнаруживая, что Баллард и сам довольно скептически относился к подобного рода утверждениям древности.

– Ледяное ядро удерживает остров на поверхности Индийского океана, не позволяя ему утонуть. – пояснил Баллард, улыбаясь – Разумеется не стоит воспринимать это высказывание

буквально. Следует вспомнить, что сами поиски Тапробаны выглядели как бесконечная череда бесплодных попыток, сменявших одна другую. Те же путешественники, кому якобы удавалось достичь острова, позже не могли найти его. Это разновидность тех мифов о островах, которые открытые однажды, уже никогда не могут быть найдены вновь.

Пьер хорошо понимал, о чём говорил профессор. Сложившаяся ещё в начале шестнадцатого века литературная традиция «изолариев»⁴ создала предпосылку к сильной популярности таких мифов. Но на политическом уровне, правящие элиты ведущих держав, спонсирующие большинство географических открытий, не могли удовлетвориться одной лишь фабулой, и нужны были объяснения, почему на выделенные ими деньги результат не был достигнут. Благодаря популярности «изолариев», у горе-путешественников появилась возможность ссылаться на феномен «странствующего острова», который меняет своё местоположение в водах ежечасно.

– Селевек Никатор пишет, что под нагретыми почвенными слоями Тапробаны находится ледяная глыба – сердцевина, и что холод от этого льда постоянно стремиться проложить себе путь на поверхность острова, обратив его в плавающую ледяную глыбу. – объяснял, тем временем, Баллард – Однако, благодаря всё тем-же гигантским муравьям, которых ты только что видел, этого не происходит. Они вытаскивают золотые самородки на поверхность днём, чтобы те впитали в себя побольше солнечного тепла, затем, к концу дня, когда солнце уходит на закат, они утаскивают самородки вглубь земли и выкладывают так, чтобы накопленное за день тепло не позволяло холоду ледяного сердечника вырваться на поверхность. За ночь этого температурного противоборства, золото остывает, и с наступлением нового дня, муравьи вытаскивают самородки вновь, так продолжается бесконечно, в этом их функция.

Пьер, на этот раз, не смог не усмехнуться, посмотрев при этом на Балларда.

– Ты сам же, я надеюсь, не веришь в это? Насекомые, работающие во имя спасения острова!

– Знаю, знаю! – поспешил ответить профессор – Потому и говорю тебе, что это мифы, тем более дошедшие до нас из очень далёкого прошлого. Кто знает, сколько раз они уже были искажены в угоду тем или иным обстоятельствам. Но это уже другой вопрос. Пьер, они там, и золото тоже. Мне не так уж и важно, на чём основан инстинкт, заставляющий этих муравьёв делать то, что они делают.

– Как ты думаешь, откуда это золото? – спросил Пьер, после непродолжительного молчания, но профессор только пожал плечами. Он заявил, что с этого момента, любая информация касающаяся дел острова связана именно с мифами, и едва ли ей можно всецело доверять.

– Нас было трое, когда мы впервые вступили на берег этого острова. –заговорил вдруг Баллард, поднявшись на ноги и оценив на глаз, положение солнца на небе – Я и двое моих коллег, помнишь?

Пьер кивнул, глядя на профессора не вставая со своего места.

– Ты никогда не спрашивал меня, что стало с моими бывшими компаньонами.

Пьеру, после недавних событий на катере, совершенно не хотелось даже думать об этом. Хотя теперь, когда Баллард сам затронул этот вопрос, мужчина решил, что момент был подходящим.

– Я надеюсь, ты их не убил, как Арнава.

Баллард метнул молнии взглядом, чем заставил Пьера пожалеть о такой формулировке своего предположения.

⁴ От итальянского l'isola – остров, в данном случае разновидность литературного направления, сюжет произведений которого, главным образом, связан с тем или иным островом;

– Я им доверял от и до, – отрезал профессор – их я знал достаточно хорошо, и они не имели ничего общего с этим индусом из Порт Блэра. Но я вижу, твоё отношение ко мне сильно изменилось из-за этой вынужденной меры...

Баллард задумался, затем, приблизившись к Пьеру, опустился перед ним на одно колено так, что теперь мужчины находились на одном уровне могли смотреть друг другу в глаза.

– Слушай, – говорил Баллард – у нас впереди самая важная часть нашей работы и мне не нужно, чтобы ты лишний раз волновался или не доверял мне. Но раз я не могу просить тебя о доверии, то вот возьми это.

Профессор вынул из кобуры свой пистолет, из которого был застрелен Арнав, и протянул оружие рукоятью вперёд Пьеру.

Мужчина не знал, что ему следовало делать, он опешил от такого жеста своего компаньона.

– Возьми тебе говорят! Там ещё шесть патронов в обойме, и он на предохранителе. Вот здесь переводишь этот рычаг в это положение и стреляешь, перезаряжать не нужно, он автоматический.

Пьер, преодолевая смущение, положил свою руку на оружие, ощутил под собственными пальцами холодную, гладкую, оружейную сталь.

В этот же миг, его сознание позволило себе на один короткий миг перенестись куда-то далеко от того места, где находились мужчины. Пьер словно увидел себя со стороны, стоявшим на пустом, голом, незащищённом ни с одной стороны света камне, окружённый только бескрайним небом, в котором висели набухшие июньские облака. В руке он держал врученное ему оружие и чувствовал себя одновременно непринуждённо-легко и в то-же время – лишённым возможности к чему либо. С какой бы стороны он не посмотрел за пределы камня-скалы, на которой он стоял, повсюду был обрыв, упиравшийся в небо. Это была тюрьма без стен и решёток.

Затем, его сознание вновь вернулось к реальности, он увидел, что его рука уже держала оружие.

– Закрепи кобуру на ремне, в том месте, где тебе будет удобно его носить, и откуда сможешь легко его достать. В противном случае, оружие станет тебе обузой. – советовал Баллард, стоявший в нескольких шагах от груды валунов – Нам пора возвращаться к палаткам. Дело близится к полудню, медлить нельзя.

– А что происходит в полдень? – спрашивал Пьер, поспевая за профессором, пока они двигались в обратном направлении к палаточному лагерю.

– В полдень, мы преступим к осуществлению нашего плана. – нарочита придавая задора своему голосу, отвечал Баллард – Тебе, наверно, натерпится узнать, как мы добудем первую партию золота!

На самом деле, Пьер мог бы признаться, что водоворот событий, затянувший его с головой, уже давно отодвинул перспективы обогащения за счёт золота на второй план.

– То, как мы заполучим те самородки, – продолжал Баллард – связано с легендой, насколько бы странным тебе это не казалось!

Уже пребывая в лагере, профессор распределил воду между лошадьми, оставив меньшую часть кобыле, и вдоволь напоив жеребят.

– Им вода нужнее теперь. – объяснял Баллард – Им предстоит поработать для нас.

Пьер наблюдал за происходящим с недоумением.

– Мои бывшие компаньоны, мои коллеги по университету, пали жертвами собственной поспешности, позволив жажде наживи ослепить себя. Когда профессор Монтгомери обнаружил гигантских муравьёв, он сперва не поверил своим глазам, и его было сложно в этом обвинить. Профессор Баффет, оказался более дисциплинированным, и не поддался эмоциональному наитию. Он и я уверяли Монтгомери, что следует хорошо подготовиться, прежде чем

приближаться к муравьям и их золоту. По нашему мнению, следовало хотя-бы попытаться собрать необходимый информационный минимум. Монтгомери обвинил нас в трусости, столь сильным было его желание завладеть самородками. Каждый следующий день, в течение недели, что мы здесь провели, Монтгомери отправлялся к той куче валунов, где мы с тобой сегодня были. Он смотрел на муравьёв, как эти насекомые таскали золото. Он считал количество самородков, пытался определить их примерную массу и в конце концов – прикинуть приблизительный размер прибыли, который он бы мог получить, завладей мы этим золотом. Да, это был первый тревожный звонок. Благоразумие покинуло нашего товарища, и вскоре он стал умолять нас позволить ему приблизиться к золоту, пока то лежало на поверхности при свете дня. Все мои увещания, как энтомолога, относительно повадок муравьёв, их территориальности и ревностного охранения своей территории подействовали на Монтгомери лишь в той незначительной степени, что он заявил, будто нам следовало совершить вооружённую вылазку.

При упоминании о оружии, Пьер ощутил вес пистолета в кобуре, который теперь был размещён на его ремне по тому же принципу, как до этого носил оружие Баллард. Плотнo прилегая к телу, оружие с какого-то момента переставало ощущаться чужеродным предметом, перенимая тепло тела его владельца. Однако Пьер не мог отделаться от странного чувства, вспоминая про врученное ему оружие. Из этого пистолета профессор убил Арнава, легко и непринуждённо перечеркнув все договорённости и данные им слова. Профессор, передавая Пьеру оружие, полагал, что таким образом ему удастся заставить компаньона перестать волноваться, испытывать страх по отношению к самому себе. Отчасти это оказалось действенной мерой, с момента приобретения оружия, Пьер действительно стал чувствовать себя уверенней, хотя так ни разу и не вынул пистолет из кобуры. Он знал, как им пользоваться лишь со слов профессора. Более того, Пьер надеялся, что ему никогда и не придётся воспользоваться оружием.

Сейчас, когда Баллард упомянул про оружие, Пьер неосознанно опустил руку на рукоять, выступавшую из кобуры. Сделав это, он перевёл взгляд на Балларда, опасаясь, что если бы профессор увидел этот жест, то между компаньонами могло бы возникнуть лишнее напряжение. Однако Баллард, продолжая свой рассказ, стоял спиной к Пьеру, поглаживая одного из жеребят по гриве.

– Строение муравья таково, что его скелет находится снаружи, а не внутри, как у большинства млекопитающих. Такое экзоскелетное строение позволяет обеспечивать неплохую защиту от себе подобных. Но так как муравьи у подножия холмов обладают выдающимися размерами, то и их экзоскелет, надо ожидать, очень толстый. Нельзя было с уверенностью сказать, какое именно действие на такого муравья возымеет обыкновенная ружейная пуля. Кроме того, возвращаясь к повадкам этих насекомых, не стоит забывать о их коллективном характере. Они атакуют сразу группами, не оставляя противнику шансов.

– И что ваш друг в итоге решил? – спросил Пьер, заметив, что Баллард вдруг взял слишком затянувшуюся паузу.

– Наш друг... – ответил Баллард, слегка растеряно – Монтгомери, стало быть, решил, что мы трусы и посему золота мы не достойны. Мы предлагали несколько иной план. Мы хотели составить надёжную карту и вернуться назад, в Англию, где мы бы рассказали о нашем открытии. Затем мы могли бы вернуться уже в сопровождении опытных людей, с подходящими инструментами, если ты понимаешь меня.

– Вы хотели заручиться помощью военных или частных военных компаний. – с ноткой холода в голосе заявил Пьер, а Баллард лишь пожал плечами.

– Уже следующей за этим разговором ночью, я проснулся в своей палатке, что-то не давало мне покоя, и я решил выйти наружу, насладиться прохладой, которая здесь на вес золота. Я обнаружил, что Монтгомери и Баффет исчезли.

– Что, вдвоём? – удивился Пьер.

– Именно! – подтвердил Баллард – Я сперва стал бить тревогу, искать их повсюду, затем пришёл в себя и понял, что судя по тому, какие вещи исчезли вместе с моими товарищами, они явно решили направиться к холмам и устроить засаду на муравьёв. Я вспомнил, как Монтгомери предлагал нам идиотский по своей сути план. Он хотел дожидаться, когда с лучами утреннего солнца первые муравьи начнут появляться на поверхности с самородками в челюстях, и атаковать каждое насекомое по одному. Оба блестящих специалиста в своих сферах, но полнейшие идиоты в вопросах энтомологии. Они не имели ни малейшего представления о повадках муравьёв. Эти насекомые имеют сложную социальную структуру, даже среди рабочих у них есть дозорные и прикрытые. Я знал, что первыми муравьями, появившимися на поверхности, были бы дозорные, без всякого золота. И столкнувшись с ними, мои товарищи навлекли бы на себя гнев всего муравейника.

– Что произошло дальше? – спрашивал Пьер.

– Дальше я бросился туда, к холмам, полагая, что моих товарищей ещё можно было спасти. Однако когда я достиг нашей наблюдательной позиции, за валунами, я обнаружил, что было уже слишком поздно. Пространство перед холмами раздирали истошные вопли моих товарищей. Баффета уже разорвали на части, на три части, если быть точным, и он просто агонировал, а вот Монтгомери отчаянно боролся с одним из муравьёв, который уже успел оторвать бедолаге ногу чуть выше колена, и облил несчастного своей кислотой.

Пьер почувствовал, как у него начинало перехватывать дыхание и ему становилось дурно от одного только образа, описываемого Баллардом.

– Монтгомери держался руками за какой-то камень, в то время как муравей пробил своей мандибулой ему живот и тянул в противоположную сторону. – Баллард ненадолго замолчал, всего на несколько секунд, утёр рукавом вспотевший лоб под шляпой и продолжил – Я сомневался всего считанные мгновения, прежде чем исполнился решимости сделать то, что должен был сделать.

Пьер молчал, не в силах озвучить этот вопрос, полагая, что и без того Баллард произнесёт это. Однако профессор тоже не спешил, очевидно именно этот момент стал для него ключевым во всём его предыдущем путешествии.

– Ты застрелил Монтгомери, чтобы он не мучился. – проговорил Пьер за Балларда, и профессор, в ответ, посмотрел на своего собеседника и несколько раз кивнул. Первый кивок, очевидно, служил подтверждением правоты сделанного предположения, второй, как ни странно, был знаком благодарности Пьеру.

– Я поклялся самому себе, что жертва моих товарищей, пусть и принесённая, во многом, на алтарь их глупости, не будет напрасной. Я решил, во что бы то ни стало разузнать способ, как можно заполучить золото муравьёв. Было бы наивно предполагать, что в древности люди, столкнувшиеся с этим феноменом, не придумали способ. Знаешь, в древности люди не были такими уж глупыми, как их принято считать сегодня.

Пьер молча согласился с этим доводом.

– Мне удалось узнать из работ всё того же Селевека Никатора, что одному человеку удалось сильно разжиться золотом этих созданий. Однако, тот же источник говорил, что это золото не принесло ему никакого счастья. Я, в принципе, всегда полагал, что богатство само по себе счастья не приносит, почему меня не удивляют подобные замечания. Что гораздо важнее, так это способ, с помощью которого золото было добыто, с помощью которого, мы сегодня добудем наше золото, Пьер!

Мужчина не издал ни единого звука, продолжая смотреть на своего компаньона, призывая его, таким образом, наконец, объяснить весь *modus operandi*⁵ предстоящей миссии.

⁵ В переводе с латинского – *modus operandi* – механизм действия, т.е. принцип функционирования какого либо процесса или механизма;

– Некий человек по имени Рюзи, посетивший этот остров в составе экспедиции известного французского исследователя непознанных географий, Жака Картье, в те годы его исследований, когда он ещё не занялся освоением Северной Америки, сумел исхитриться и решить загадку с муравьями. Хотя сдаётся мне, – Баллард сделал задумчивое выражение лица – этот Рюзи имел доступ к каким-то ещё источникам, которые, похоже, не дожили до наших дней.

Суть вот в чём. Эти муравьи, охраняют своё золото вовсе не потому, что металл представляет для них ценность, а скорее в силу своих инстинктов. Они выполняют древнюю, заложенную в них природой программу. Всё, что покушается на их золото воспринимается ими как опасность. Поэтому опрометчиво пытаться отнять у них золото. С другой стороны, хитроумный Рюзи пронаблюдал, ну или ему кто-то подсказал это, что эти муравьи не переносят ничего пустого.

– Как это, «ничего пустого»? – удивился Пьер.

– Странно, но при обнаружении муравьями незаполненных полостей, пустот, они тут же стремятся заполнить их тем, что у них имеется. Так, Рюзи провёл эксперимент, в котором, пустая корзина, заброшенная к муравьям, за считанные минуты была заполнена золотыми самородками.

У Пьера буквально челюсть отвисла от этого заявления профессора. Всякий раз, когда мужчина полагал, что его уже ничего не сможет удивить, обнаруживались вся более потрясающие обстоятельства.

– Разумеется, – объяснял Баллард – вместе с самородками, муравьи набрасывали в корзину и простые булжники, которые попадались им. Но к счастью, таковых там не много, а самородки крупные и гораздо чаще попадают в челюсти насекомым. Так вот, Рюзи придумал следующий способ. Он снарядил нескольких жеребят корзинами по бокам, с открытым верхом, дабы их пустота спровоцировала муравьёв. Жеребята были пущены туда, к подножью холма. Просто разгуливая и обнюхивая редкие кустарники, жеребята сами не всегда замечали, как расторопные насекомые нагружали их корзины золотом. Затем, Рюзи, со своей наблюдательной позиции, делал знак своим сообщникам, и те, в свою очередь, выпускали кобылу – мать используемых в операции жеребят. Кобыла, обнаруживая отсутствие поблизости своих отпрысков, начинала протяжно ржать, призывая своих жеребят возвращаться и те, поспешно возвращались, попутно доставляя корзины, полные золота.

– Быть того не может! – Пьер поверить не мог услышанному, поскольку вся эта история звучала больше как детская загадка на алогичную сообразительность, когда предлагалось найти решение поставленной проблеме любым, нелогичным путём.

– Рюзи, обогатившись таким образом, вернулся во Францию. Он покинул своего господина Жака Картье, не пожелав тратить следующие годы на странствия вокруг Северной Америки, без каких либо явных перспектив. На полученное золото он купил себе дворянский титул, снарядил корабль и экипаж, обзавёлся несколькими дюжинами ожеребившихся кобыл с их отпрысками и отправился обратно к острову, добывать золото.

– Но... – проговорил Пьер, подначивая Балларда – В таких историях, всегда появляется некое «но», которое перечёркивает высокие амбиции и возлагаемые надежды.

Профессор рассмеялся.

– Ты как в воду глядишь! Рюзи никогда больше не смог найти этот остров. Он много месяцев подряд бороздил просторы Индийского океана, и так и не нашёл заветный остров. В конце концов, его экипаж, состоявший главным образом из антисоциальных типов, нанятых в портовых тавернах, утратили остатки веры в своего капитана и в его «завиральные» истории. На судне случился мятеж, Рюзи лишился командования и был высажен на одном из безымянных островов, который встретился экипажу. В качестве имущества, которое Рюзи было позволено взять с собой, оказалась одна из кобыл. Моряки, таким образом, издевались над своим бывшим капитаном, утверждая, что если остров, на который они его высаживали, окажется

тем самым, искомым островом с муравьиной горой и золотом, то Рюзи должен будет оплодотворить кобылу, и использовать её потомство, чтобы разжиться золотом, времени у него будет предостаточно.

– Да, – сказал Пьер, которому с одной стороны хотелось смеяться, а с другой он не смог выдать улыбки – это могло бы быть смешно, если бы не столь печально.

Баллард, тем не менее, рассмеялся.

– Ну что, мой друг? Пришла пора приступать. Уже почти полдень и муравьи выволокли наружу большую часть дневной нормы золота. А это значит, в сумки на боках жеребцов попадёт больше самородков! – с этими словами, профессор проверил, как прочно были закреплены кожаные сумки на боках животных – Ты поведёшь жеребят к нашему наблюдательному пункту и оттуда, подгонишь их к подножью холма. Затем вернёшься на наблюдательную точку и станешь следить за процессом.

Сказав это, Баллард протянул Пьеру зачехлённый бинокль, напомнив мужчине про необходимость избегать попадания прямых лучей солнца в окуляры.

– Затем, когда увидишь, что дело сделано, сообщи мне по этой рации. – теперь профессор протянул Пьеру небольшую рацию и показал, как следовало пользоваться прибором – Я освобожу кобылу, и на ней прибуду к вам. Я не знаю, как могут повести себя муравьи, когда жеребята, с наполненными золотом мешками будут уходить, у Рюзи, по крайней мере, с этим не было никаких проблем. В случае чего, ты заскочишь вторым на кобылу, она запросто увезёт нас двоих. Думаю, что и жеребцы поспеют за нами.

Пьер не знал, что и сказать. План казался простым в своей чёткости, требовалось только его исполнить согласно инструкциям.

– Слушай, Баллард, – проговорил вдруг Пьер – на всякий случай возьми свой пистолет. Вдруг что пойдёт не так, ты умеешь пользоваться им лучше, чем я!

Пьер уже хотел начать отстёгивать кобуру, но профессор его остановил.

– Не беспокойся об этом. Давай надеяться, что нам не понадобится оружие. – Пьер ещё хотел что-то возразить, но Баллард не позволил ему сделать этого – Повторяю, оставим крайние меры, на самый крайний случай!

Итак, в сопровождении трёх жеребят, которым не терпелось пуститься в безудержный галоп, Пьер направился к куче валунов, к наблюдательному посту недалеко от муравьиного холма. На душе у него царила смесь самых разных чувств и доведись ему описывать эту эмоциональную палитру, вряд ли он смог бы быть лаконичным.

Тем не менее, даже в этот момент внезапного эмоционального подъёма, Пьер не смог себя обмануть и солгать, сказав, что среди всевозможных эмоций, заставлявших его с нетерпением ждать свершения затянувшейся истории, было такое чувство, от которого в ногах ощущалась неудобная мягкость и дыхание порой замирало. Пьер, помимо прочего, испытывал непонятные тревогу и страх.

Проходя мимо очередной гряды валунов, на высоком обломке скалы, некогда возвышавшейся над местным, убогим пейзажем, Пьер увидел человека, и всего секундного созерцания ему оказалось достаточно, чтобы узнать в нём Арнава.

Индус стоял в мокрой одежде, как если бы прямо здесь и сейчас он вылез из воды, на его груди по-прежнему была страшная рана.

В отличие от предыдущей встречи на катере, на лице убиенного человека больше не было той воодушевлённой улыбки, напротив, он глядел на Пьера тяжёлым, утратившим признаки надежды, взглядом.

Пьер остановился и посмотрел на Арнава. Ему пришлось поднести руку ко лбу, чтобы защититься от яркого солнца. В первый же момент, когда мужчина только заметил Арнава на скале, он ещё успел подумать о том, что наблюдаемое им явление, на проверку, могло оказаться миражом, зрительным феноменом о котором он когда-то слышал. Однако, теперь, по

прошествии нескольких долгих секунд, образ убиенного индуса не исчезал. Арнав ничего не говорил, но своим видом он взаимодействовал с Пьером. Взгляд индуса был направлен прямо в глаза Пьеру и мужчине, в какой-то момент могло показаться, что Арнав едва заметно покачивает головой, как если бы он пытался дать какой-то совет.

Пьер также заметил, что по поверхности раскалённого на солнце камня, на котором стоял Арнав, теперь стекали водные потёки. Индус продолжал стоять на своём неудобном выступе ещё несколько секунд, после чего попросту растворился в пространстве, не оставляя после себя ни следа, за исключением остатков быстро испарявшейся воды с каменной поверхности.

Наблюдаемое видение остудило эмоциональный пыл Пьера, и в нём главную ноту взяли чувства тревоги и страха. Удерживая в руке рацию, мужчина смотрел на прибор, и неизвестно к какой мысли он мог бы прийти, но один из трёх сопровождаемых им жеребят заржал, и поскакал вперёд, увлекая за собой своих побратимов. Пьеру пришлось поторопиться и ухватить отпущенные до этого удила.

Восстановив свой контроль над игривыми животными, мужчина продолжил путь к наблюдательному посту. Когда он, наконец, оказался на месте, то сперва решил убедиться, что происходило у подножия холма. Для этого, не оставляя больше удила без присмотра, он расчехлил свой бинокль и направил окуляры в нужном направлении.

Муравьи продолжали свою кропотливую работу в том же духе. Для них, казалось, не имело никакого значения ни время дня, ни жар солнца. Из того, что Пьер знал об этих социальных насекомых, функциональные роли у них разделены, и те представители колонии, которых он наблюдал сейчас, выполняли строго отведённую им работу. Это лишь означало, что где-то были и другие особи, выполнявшие функцию по добыче пищи для колонии. Следовательно, и Пьер уже несколько раз ловил себя на этой мысли, пока вёл жеребят к наблюдательному посту, встреча с этими особями не желательна, ведь несмышлёных животных с большими кожаными мешками по бокам, они могли бы воспринять как потенциальную добычу.

Пьер взял в руку рацию и попробовал связаться с Баллардом. Профессор вышел на связь со второй попытки.

– Я на месте. – докладывал Пьер, не сводя глаз с муравьиного поля – Могу пускать наших сборщиков.

– Отлично. – ответил Баллард, я буду ждать твоего сигнала, будь внимательней.

Жеребята, с отстёгнутыми удилами, чтобы ни за что не зацепились, были пущены лёгким галопом к подножию холма. Пьер, вновь взобравшись на один из крупных валунов, наблюдал в бинокль за происходящим.

Муравьи, заметив приближающихся животных, сперва замерли, выставив свои антенны в их направлении. В этот момент Пьер напрягся, опасаясь, что насекомые могли сразу повести себя агрессивно по отношению к не прошеным гостям. Однако, спустя несколько мгновений, словно просканировав пространство и поняв, что приближающиеся животные не имели дурных намерений, муравьи вновь принялись за свою работу, всячески игнорируя жеребят.

Жеребята остановились на некотором удалении от насекомых и подозрительно фыркая, смотрели на них. Затем, самый бойкий из всей тройцы, вышел вперёд и косясь на одного из муравьёв, последовал к ближайшему кустарнику, принявшись его обнюхивать.

Пьер, наблюдавший за происходящим, усомнился в концепции Балларда, поскольку вот уже несколько минут минуло после контакта, но ни один муравей не проявил ни малейшего интереса не то что к пустым сумкам, а вообще к невесть откуда взявшимся «пришельцам».

Пьер вновь вышел на связь с Баллардом и сообщил ему о наблюдаемом им поведении муравьёв, однако профессор посоветовал набраться терпения. Он утверждал, что должно было пройти какое-то время, прежде чем до муравьёв бы дошло, что рядом находится пустое пространство, которого они не переносят в силу своей природы.

За неимением другого выбора, Пьер продолжил своё томительное ожидание. Более всего его угнетало лишь солнце, не показавшее никаких признаков жалости.

Мужчина предусмотрительно спустился с валуна, чтобы переместиться в его тень, в поиске более комфортных условий, и каково было его удивление, когда он вновь увидел Арнава.

Индус вновь выглядел так, будто только что вылез из воды, после нескольких часов плавания. С его одежды, волос, стекала вода на песок под его ногами.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Пьер, которого начинали раздражать эти внезапные появления призрака – Я видел тебя на скале по пути к этому месту. Ты собираешься вечно меня преследовать? Это Баллард убил тебя, я не имею к этому никакого отношения, понимаешь?

Говоря всё это, Пьер, подсознательно, надеялся, что Арнав отреагирует своей улыбкой, и начнёт беседу в непринуждённой манере, однако выражение лица покойника оставалось холодным, малоподвижным, а взгляд – тяжёлым.

– Ты зашёл слишком далеко, я же тебя предупреждал, зачем ты в это влез? – спросил Арнав.

– Зашёл куда? Предупреждал о чём? – Пьеру было гораздо более комфортно верить, будто он не понимал, о чём шла речь.

– Она просила меня предупредить тебя. Она так хотела, чтобы ты избежал этой судьбы! – отвечал призрак.

Пьер на несколько секунд засмотрелся на пулевое ранение на груди Арнава, затем словно опомнившись, он ответил:

– Я не понимаю, о ком ты говоришь! Моя судьба в моих руках и очевидно, она куётся здесь.

– Она хотела, чтобы ты спасся. – сказал Арнав, и его голос, на этот раз, прозвучал разочаровано, как если бы он вдруг осознал некоторую, неоправдавшуюся надежду – Если ты сам не хочешь воспользоваться её советом, она уже ничего не может для тебя сделать, прости.

Договорив эту фразу, Арнав улыбнулся на долю секунды, хотя это и была улыбка совершенно иного рода. Индус повернулся в сторону подножия холма, и медленно пошёл туда, где сновали муравьи.

– Постой! Что ты делаешь? – выкрикнул ему вслед Пьер – Не ходи туда, они...

Он едва не сказал, что муравьи могут убить Арнава, но внезапное осознание всей бессмысленности этой фразы заставило его замолчать. Теперь уже ничто не могло навредить индусу, который медленно, словно прогуливаясь по парку в погожий день, брёл по песку в направлении муравьиного поля, оставляя за собой сырые следы от океанской воды.

Пьер был готов проследовать за Арнавом, но вовремя поймал себя на мысли, что это было бы его фатальной ошибкой. Когда он нашёл в себе силы остановиться, он упал на колени, ощущая как ему не хватало дыхания, чтобы преодолеть внезапный приступ удушья.

Справившись с неведомым приступом, Пьер посмотрел вперёд. Призрак Арнава уже исчез, но то, что мужчина увидел в полутора ста метрах от себя, поразило его не меньше.

Несколько наиболее шустрых муравьёв, словно воспользовавшись тем, что жеребята свыклись с их присутствием, подкрались сзади к животным и своими антеннами, аккуратно, исследовали кожаные сумки, закреплённые по бокам животных. Двое из насекомых, словно возмущившись обнаруженным в сумках, и именно пустотой, развернулись и на всех своих шести конечностях, помчались туда, где под лучами солнца лежали крупные золотые самородки.

Муравьи ухватили самородки, и вернувшись к животным, столь-же поспешно бросили золото в сумки.

Жеребец вздрогнул от внезапного утяжеления на своём боку, развернулся головой к муравью и некоторое время смотрел недоумевая, затем, так как ничего плохого не произошло, он вновь вернулся к привлекавшему его внимание кустарнику, с которого поедал редкую листву.

Муравьи, в свою очередь, продолжили работу, натаскивая ещё больше самородков, и вот уже сумки второго жеребца наполнялись золотом.

Пьер вскочил на ноги и что есть силы помчался к своему укрытию. Достигнув кучи валунов, он вынул рацию и связался с профессором.

– Это работает, Баллард, слышишь меня? Это работает, они наполняют мешки золотом!

Ответа не последовало, но Пьер услышал какой-то подозрительный шум. Тогда он ещё несколько раз запросил ответа профессора, но когда на другом конце волны прозвучал голос, мужчина обомлел.

– Я рад, что всё столь успешно складывается, мой друг. Буду с минуты на минуту! – в радиации прозвучал голос Кхамапа.

Пьер сперва подумал, что его воображение сыграло с ним злую шутку, но поразмыслив над услышанным, он понял, что если «злая шутка» и была сыграна, то не его воображением а совершенно реальными людьми. Кхамап, с исчезновением которого Пьер уже почти что свыкся, появился неожиданно-негаданно, но и в то же время, как нельзя кстати. Невозможно было не прийти к выводу, что индус каким-то образом следил за успехами Баллада и Пьера. Да и проделать это было не сложно, после того как профессор был вынужден раскрыть карты за день до убийства на остров. Помимо всего прочего, Пьер задался вопросом, мог ли Кхамап знать, что Баллард убил Арнава, ведь если индус и имел возможность следить за действиями путников, то как много ему удалось увидеть собственными глазами.

Очевидно, и Пьер понимал это, видя как по направлению к нему, со стороны палаточного лагеря, мчались несколько всадников, ответы на эти и многие другие вопросы можно будет получить совсем скоро.

Всего было четверо мужчин, одним из которых был сам Кхамап. Они все были верхом, и очевидно весьма комфортно чувствовали себя в седле. Одетые в удобную для верховой езды одежду, на правом рукаве каждого из мужчин была закреплена нашивка с изображением какого-то символа, который раньше Пьеру видеть не приходилось. Была там ещё и надпись, но так как она была сделана на хинди, Пьер не мог знать её смысла.

На головах у мужчин были упрощённые версии тюрбанов. Такие головные уборы использовались индусами в походных условиях, чтобы предотвратить угрозу теплового удара. Трое незнакомых Пьеру мужчин носили аккуратно подстриженную бороду, а Кхамап, как и прежде, был выбрит.

Кхамап, двигавшийся до того последним, выдвинулся вперёд и тут же приветствовал Пьера. Мужчина присмотрелся как следует, чтобы убедиться, действительно ли в облике представшего перед ним мужчины можно было угадать того самого Кхамапа, казавшегося робким, кротким и отчасти трусоватым человеком.

– Пьер, мой друг! – скандировал Кхамап, отсалютовав рукой – Что ты там делаешь, давай сюда!

Пьер не спешил покидать высокий валун, на котором он закрепился несколькими минутами ранее. Здесь, помимо хорошего обзора, он получал возможность, при необходимости, спрятаться за несколько широких выступов.

Ни Кхамап, ни его спутники, которые теперь глядели на мужчину суровым взглядом, не могли знать, что буквально за несколько секунд до их прибытия, мужчина извлёк из кобуры свой пистолет и снял его с предохранителя.

Пьер помнил, что в обойме у него было только шесть патронов, и при самом лучшем раскладе, он не мог позволить себе более двух промахов.

– Мы застали господина Балларда в палаточном лагере. – объяснял Кхамап – Он нам рассказ, чем вы тут занимаетесь. Ну, признаюсь честно, не ожидал, что вы так далеко зайдёте.

– О чём ты говоришь, Кхамап? – спросил Пьер, не покидая своего укрытия.

– После нашей беседы в кофейне, я решил, что Баллард вознамерился откусить слишком большой кусок, возможно даже больше, чем он смог бы прожевать. – голос индуса немного изменился, ему приходилось касаться подробностей, раскрывать которые он не сильно то хотел – Однако, я не мог оставить без внимания тот факт, что невежество одних людей, часто открывает двери для достижений других. Поэтому я ретировался незадолго до вашего отчаливания из порта.

– Объясни, – Пьер позволил себе осторожно приподняться из своего укрытия, чтобы лучше видеть людей снизу, он хотел оценить их расположение и расстояние друг от друга – почему ты нас оставил, и кто эти люди?

Кхамап, словно обдумывая услышанный вопрос, осмотрелся по сторонам, смерив взглядом своих сообщников, затем он развёл руками и по-обыденному просто сказал:

– Это мои верные товарищи из «Азад Хинд», разве ты ещё не догадался? Я полагал, в проницательности тебе не откажешь!

Вторя этим словам, двое мужчин рядом с Кхамаром усмехнулись.

– Видишь ли, – продолжал индус – остров, из недр которого вы вознамерились украсть золото, принадлежит великой Индии. И кем бы мы были, если бы позволили чужеземцам промыслять нашим исконным добром?

Словно в ответ на этот риторический вопрос, один из конных что-то сказал на хинди, а Кхамап, выслушав товарища, рассмеялся, затем проговорил:

– К тому же, ваше преступление отягчается тем обстоятельством, что достопочтенный профессор Баллард – англичанин, а эти «лисы» уже выпили немало нашей крови!

– Ясно. – глухо отозвался Пьер, вся четвёрка была перед ним, как на ладони, и учитывая преимущество его позиции, он вполне мог бы открыть огонь на поражение, однако его руки тряслись при одной только мысли о подобной перспективе, он предпочитал тянуть время – Но почему вы сами не забрали золото? Ведь этот остров исконно ваш уже многие поколения!

Кхамап улыбнулся, его пухлое лицо буквально расплылось под тюрбаном, из-за чего глаза словно углубились.

– Видишь ли, мой друг Пьер, – театрально наиграно вздохнул Кхамап – этот остров имеет совсем не простое для нас значение. Это не просто географический объект, на который распространяется наша юрисдикция. Здесь, в течение многих поколений находили смерть те, кто были приговорены к ней, и никто в Индии не мог дать точного ответа, отчего случается эта смерть и в каком виде она приходит. «Азад Хинд» не верит в суеверия, однако мы не лишены здравого смысла!

И вновь один из спутников Кхамара что-то сказал, что индус посчитал важным озвучить для Пьера.

– Мы не имели ничего против того, чтобы вы вдвоём ступили на берег и подобно лабораторным крысам, побарахтались тут какое-то время. Так, мы могли убедиться, что здесь не происходит ничего сверхъестественного.

– А как же те два холма с гигантскими муравьями? – спросил Пьер, указывая не глядя в направление, где обитали насекомые.

– Для меня это загадка. – признался Кхамап – В нашем народе издавна ходили байки про этих созданий, но я до сего дня не был склонен в них верить. Вполне возможно, что это какой-то особый вид этих насекомых, которому повезло существовать в изоляции и сохранить свои доисторические черты. Ведь вараны острова Комода тоже, мягко говоря, несколько крупнее своих сородичей с континента.

Пьер вдруг понял, что ему не приходило на ум ничего больше, чем он мог бы занять Кхамапа, но индус сам решил добавить кое-что от себя.

– Профессор, после непродолжительных уговоров, рассказал нам про ваш гениальный план с лошадьми. – Кхамап покачал головой, делая такое выражение лица, как если бы он все-сторонне анализировал план Балларда – Должен признаться, меня это впечатлило. На месте профессора, наверное, я бы сказал, что это моя собственная задумка, но поскольку он признался, что вычитал это из каких-то старинных источников, то на его счёт выпадает лишь половина моей похвалы.

– Не думаю, что он в ней сильно нуждался, Кхамап. – сказал вдруг Пьер, повышая голос, так, чтобы перебить речь индуса – Ты, очевидно уже забыл, благодаря кому ты смог безопасно покинуть Кашмир? Или то, каким я тебя там нашёл?

Это была вполне себе не плохая попытка спровоцировать у Кхамапа сильные эмоции, но индус владел собой как никогда ранее. Он лишь улыбнулся и кивнул, соглашаясь со сказанным.

– Всему своё время, мой друг. Время ронять слезу и время звонко смеяться! Из той ситуации в Кашмире меня спас не Баллард, а ты! Именно ты уговорил профессора взять меня с вами, чтобы меня не порешили тамошние головорезы. Подобно монете, имеющей две стороны, ты имеешь мою бесконечную благодарность за это и теперь, наверно, ненависть Балларда, в конце концов, его затея могла бы сработать, если бы ты не уговорил его взять с собой меня.

Эта фраза обожгла самолюбие Пьера, и к собственному удивлению он обнаружил, что внутри него, помимо страха и волнения появилось ещё одно чувство – злость. Это чувство, насколько знал Пьер, не всегда помогало в критических ситуациях, но теперь, оно уравновешивало остальные эмоции, заставляя Пьера чувствовать себя более уверенно.

– Где теперь Баллорд? – спросил мужчина, сжимая в руке пистолет, понимая, что неизбежное невозможно было оттягивать бесконечно долго.

– Не волнуйся, профессор жив. Ему несколько nepоздоровилось, но в принципе, если его поскорее доставить в больницу, то жить будет.

Внезапно Пьеру пришла в голову мысль, которую он мог бы счесть гениальной, если бы у него было достаточно времени, чтобы её проанализировать всесторонне.

– Тогда тебе должно быть уже известно про наш план. – сказал Пьер, высунувшись из-за укрытия и делая вид, как если бы он заглядывался в направление муравьиного поля – Пока мы здесь болтаем, ноша уже отягощает молодых жеребят.

Кхамап, очевидно догадываясь, о чём именно говорил Пьер, тоже повернулся в сторону холмов.

– Стало быть сработало. – пробормотал он, и попутно с ним, несколько его товарищей принялись что-то обсуждать – Что-что, но этот англичанин на редкость сообразителен.

Кхамап повернулся к своим товарищам по «Азад Хинд» и распорядился о чем-то. Индусы переглянулись и принялись интенсивно жестикулировать друг другу.

Наконец, двое из них, наиболее крепкие и очевидно – молодые, направили своих скакунов к муравьиному полю.

Это было как раз то, чего ждал Пьер. Он верно предположил, что Баллард не до конца пояснил Кхаману и его головорезам принцип своего плана. Индусы полагали, что как только сумки на жеребцах будут наполнены золотом, они смогут попросту приблизиться и угнать животных с поля.

Теперь, возле груды валунов осталось лишь двое человек, одним из которых был Кхамап. В душе Пьер был рад такому стечению обстоятельств, ведь это позволяло ему прямо здесь и сейчас расквитаться с коварным индусом. Однако, сперва стоило убедиться, что двое других бойцов не вернуться на подмогу своему товарищу.

Мужчины, на полном скаку влетели на муравьиное поле, стараясь не обращать внимание на шесть насекомых, которые замерли на месте, зондируя пространство своими антеннами.

Индусы уже были достаточно близко к трём жеребцам, которые тем временем, практически полностью съели всю листву с непонятных кустов.

Муравьи, остававшиеся до этого момента неподвижными, вдруг устремились к людям. Насекомые передвигали шестью своими конечностями с такой непостижимой скоростью, что со стороны человеческий глаз едва за ними поспевал. Кроме того, индусы на конях не сразу поняли, что происходит. Когда они развернули своих скакунов, было уже слишком поздно, так как путь к отступлению был перекрыт.

Кхамап, в этот самый момент, пытался что-то кричать. Его реплики сперва были направлены своим несчастным товарищам, оказавшимся в ловушке, затем он что-то приказал своему соратнику, находившемуся рядом с ним, но тот прекословил ему.

Меж тем, оба индуса, встретившись лицом к лицу с атакующими муравьями, выхватили оружие. У одного в руке оказался мощный пистолет-пулемёт, у другого была автоматическая винтовка с накоротко отпиленным стволом. Зрелище было захватывающим. Короткая очередь из укороченной винтовки ударила градом пуль в землю рядом с одним из насекомых, в панике индус не успел прицелиться, за что поплатился, будучи тут-же атакованным с обеих сторон сразу двумя муравьями. Одно насекомое вонзило свои мандибулы мужчине в бедро и легко стянуло его с коня. Второй муравей, двигаясь всё столь же молниеносно, промчался между копытами лошади и присоединился к кровавой расправе над мужчиной. Тем временем, вооружённый пистолетом мужчина сумел ранить одного из нападавших муравьёв, но судя по всему, останавливающий эффект пистолетного выстрела был незначительным, муравей замер на мгновение и тут же возобновил атаку.

Конь, на котором восседал индус, проявил не шуточную прыть, поднявшись на дыбы он принялся наносить передними копытами удары по муравью, и пару раз ему удалось здорово попасть по самой голове насекомого, что подействовало лучше пулевого ранения, заставив насекомое на время отступить. Однако, ещё два муравья повалили коня, впившись ему в бока и опрокинув на землю. У наездника не было никаких шансов спастись. Он едва успел оказаться на ногах, когда его настиг муравей, получивший несколькими секундами ранее удары копытами по голове.

Вопли убиваемых методом разрывания на части мужчин длились не долго, и Пьер понимал, что нельзя было упускать этот момент. Она вывел оружие вперёд, перехватив рукоять пистолета двумя руками и прицелился, выбирая в качестве первой цели соратника Кхамапа, поскольку этот индус уже держал своё оружие наготове.

Задержав дыхание, Пьер спустил курок пистолета, раздался оглушительный звук выстрела и мужчина впервые в жизни ощутил, как отдача действует на руки в момент выстрела. Пистолет подбросило кверху на считанные секунды, после чего, благодаря ригидности мускулатуры рук, оружие вернулось более-менее в исходное положение.

В воздухе, перед самым лицом Пьера появился едкий запах порохового газа. В первые несколько секунд мужчина полагал, что он промахнулся, ведь он ожидал, что в случае удачного выстрела, наездник должен был непременно упасть с коня. Этого не произошло, мужчина остался в седле, однако из его рук выпала винтовка и он недоумевая посмотрел на свои одежды. Алое пятно крови расплывалось по его одежде, щедро выступая из раны в груди.

Кхамап сам был поражён не меньше раненного мужчины, он несколько мгновений смотрел на своего товарища, который начал вдруг медленно опадать с коня. Затем индус повернулся к Пьеру, одновременно выбрасывая в его направление руку с пистолетом и производя выстрел. Мужчина успел вовремя скрыться за своим укрытием.

Очевидно, стреляя навскидку, Кхамап попал в камень, и с того расстояния, на котором он находился, выпущенная им пуля срикошетила, вернув стрелку несколько граммов свинца. Кхамап громко застонал, упав на землю. Пьер услышал это и несколько мгновений не мог поверить в произошедшее, наконец он украдкой выглянул из-за укрытия. Кхамап лежал на земле,

легко раненный, он был занят тем, что вместе со своим товарищем, отбивался от наступавших на них гигантских муравьёв.

Индусы что-то кричали и расстреливали все имевшиеся у них патроны, что не приводило к сколь либо желаемому результату. Через мгновение Пьер наблюдал, как несколько насекомых растерзали обоих мужчин.

Однако в этом событии не было никакого благого предзнаменования для самого Пьера. Со смертью Кхамапа и его головорезов, муравьи, казалось, не были удовлетворены мстостью за беспардонное нарушение их векового уклада жизни. Ещё четверо насекомых подоспели с поля, и теперь шесть тварей окружали скалу, на которой оказался Пьер. Бежать было некуда. Насекомые подняли кверху свои головы, и их антенны довольно забавно шевелились, зондируя пространство.

В этот момент Пьера терзала дилемма, что ему следовало делать теперь. В его обойме оставалось только четыре патрона. Даже если бы пистолет мог причинить хоть какой-то вред насекомым, то он всё равно не сумел бы убить всех, вокруг скалы сутились шесть особей. После увиденного, как муравьи расправлялись со своими жертвами, Пьер попросту не мог не думать о том, что возможно ему стоило бы оставить пули для себя. В таком случае, и одной должно было быть достаточно.

Муравьи стали пробовать передними парами своих конечностей подняться на скалу. Сомнений быть не могло, ещё немного и они смогли бы это сделать. Пьер встал в полный рост и уже приготовился принимать самое важное решение в своей жизни, как вдруг вспомнил свой сон или видение, в котором он видел себя на скале, с оружием в руке, отрезанным от всего остального мира бескрайним простором неба.

Один из муравьёв внезапно рванулся вверх, работая конечностями с такой интенсивностью, что он тут же оказался возле Пьера. Инстинктивно попятившись, мужчина не заметил, как за его спиной уже закончились все возможные опоры. Он сорвался и упал вниз, чудом избежав удара головой о выступавшие валуны.

Уже на земле, мужчина перевалился с одного бока на другой, попытался встать но тут же оступился и упал спиной назад, наткнувшись на каменную поверхность большого валуна. Он ещё успел ощутить то, какой горячей была эта поверхность, прежде чем всё его существо сковал ледяной страх. Перед ним, на расстоянии полутора метров стоял муравей, который приблизившись ещё плотнее, буквально вперился в Пьера своей головой. В следующий же момент насекомое замерло, а его антенны принялись медленно двигаться, едва не касаясь головы Пьера.

Мужчина зажмурился в ожидании волны боли, с которой насекомое приступило бы разрываться на части, однако, ничего подобного не последовало.

Муравей и не думал причинять Пьеру вред. Выждав несколько самых напряжённых секунд в своей жизни, мужчина постепенно раскрыл глаза, чтобы увидеть перед собой фасеточные глаза-полусферы. В отличие от органов зрения многих других насекомых, у этих муравьёв глаза напоминали идеальные, чёрные как отполированный жемчуг, полусферы. Пьер успел удивиться, почему он не видел в этих поверхностях своего отражения, и даже лучи яркого солнца поглощались этими глазами, вместо того, чтобы отражаться от них.

Спустя какое-то время, Пьера ослепила вспышка, появившаяся внезапно и словно заливая его сознание, при этом мужчина не испытывал ни боли ни каких либо ещё неприятных чувств.

Когда он вновь смог видеть, он сразу же понял, где он находится. Вокруг царил темнота, казавшаяся абсолютно непроницаемой для его органов чувств, однако, при этом, он ощущал как само пространство вокруг вибрировало, являясь единым организмом – некой совокупностью.

Когда он ощутил какое-то движение перед собой, он уже догадывался, чем это окажется в следующее мгновение. Пьер предстал перед огромной, в его человеческом понимании, в соответствии с привычными ему человеческими мерками, королевой-маткой муравьёв.

Это было то самое создание, образ которого мужчина видел в своём видении, явившемся ему в детстве.

Гигантское насекомое, верхней частью своего туловища сильно напоминало остальных муравьёв, разве что обладала не столь развитыми конечностями и его мандибулы были намного слабее, нежели те, коими обладали муравьи-рабочие. За верхним туловищем следовало огромное брюшко, имевшее вид непостижимой, белёсой, пульсирующей массы, дающей жизнь всей колонии насекомых.

Королева некоторое время смотрела на Пьера, прежде чем её мандибулы совершили несколько движений, вторя куда более замысловатым движениям её антенн. В результате этой манипуляции, в один миг, всё окружающее пространство вспыхнуло ярким, золотым светом. Пьер увидел, как в стенах огромного свода были установлены сотни, нет, тысячи золотых самородков. Теперь эти куски необработанного металла излучали концентрированный свет дневного солнца, который не просто растворял тьму, но выполнял куда более значимую роль, этот золотой свет дарил необходимое тепло, которое обогревало огромное детородное брюхо королевы-матки. В этот момент Пьер вдруг понял, зачем муравьи ежедневно вытаскивают самородки на поверхность, и какую цель они преследуют днём и ночью, выполняя свою монотонную работу. Вопреки всем тем предположениям, что мог позволить себе профессор Баллард, золото муравьиных холмов играло куда более витальную роль, приобретая при этом совершенно сакральный смысл.

Но ещё более невероятным открытием для Пьера стало то, что королева-матка, могла с ним говорить, обмениваясь скорее мысленными образами, нежели речью, поскольку исторгаемые гигантским насекомым звуки не могли найти смыслового отклика.

– Тебе не следует опасаться того, чему ты не угрожаешь. – принял Пьер смысловой посыл от насекомого, не решаясь ответить, будучи полностью замороженным происходящим.

– Но ты сильно изменился, с нашей последней встречи. До тех пор, пока обратные ходы свободны, спаси самого себя.

После того, как насекомое сообщило Пьеру эту пространную фразу, оно, как если бы желало прояснить передаваемую информацию, вызвало у мужчины быстро-протекающий ряд образов, в которых Пьер увидел целую панораму людей, большинство из которых были ему неизвестны. Они, гонимые алчными стремлениями, совершали преступления, только бы оказаться на острове, и все терпели мучительную смерть при самых разнообразных обстоятельствах. И если первые ряды образов составляли совершенно неизвестные Пьеру люди, то ближе к самому концу панорамы, он увидел Арнава, перевозящего контрабанду на своём катере, Кхампа со его бойцами «Азад Хинд», противоборствующими гигантским муравьям. Были там и два человека, по описаниям несчастий, которые оборвали их жизнь, выходило так, что это были профессора Монтгомери и Баффет, прежние спутники Балларда, и вот, наконец, закрывающим череду образов обликом явился и сам Баллард, и Пьер смог увидеть, что профессор ещё был жив. Он лежал на земле, под куполом палатки, истекая кровью. Пьер, разумеется помнил, какие обстоятельства предшествовали тому, что случилось с профессором, но он не ожидал, что Кхампа мог быть столь жесток по отношению к Балларду. Правая и левая рука профессора, от локтя и до запястья, были освежёваны. Некий садист, орудуя острым ножом для снятия кожи, в качестве пытки, дабы «развязать профессору язык», снял эти участки кожи, понимая насколько болезненным и деморализующим свойством обладает подобная процедуры.

Наконец поток образов оборвался и Пьер вновь мог видеть королеву-матку. На этот раз, будучи словно отрезвлён увиденным, мужчина набрался необходимой решимости, чтобы говорить.

– Откуда ты всё это знаешь? Как ты можешь видеть все эти события оставаясь здесь?

В качестве ответа на этот вопрос, королева послала Пьеру ещё один образ, на этот раз им стало короткое видение, которое многое объясняло.

В этом видении мужчина увидел множество муравьёв, не тех гигантских насекомых, которые обитали на острове, а самых обыкновенных муравьёв, обитавших едва ли не повсеместно. Это могло означать только то, что между всеми этими насекомыми и королевой-маткой на острове существовала какая-то связь, и через миллионные колонии по всему миру, островная матка получала любую информацию.

Это очень многое объясняло, как и то, что королева могла располагать сведениями, выходящими далеко за пределы человеческой осведомлённости, благодаря чему, её предупреждения об опасности не стоило пренебрегать.

– Я сделаю как ты советуешь! – вдруг заявил Пьер, искренне надеясь, что ему удалось верно интерпретировать полученную от королевы информацию – Позволь мне идти!

В сознании Пьера промелькнул образ катера, пришвартованного к островному берегу, на котором Арнав доставил путников минувшим утром на неведомый остров. Пьер не был до конца уверен, была ли эта вспышка результатом его собственной работы сознания, или же ещё один образ, посланный королевой. В любом случае, он был полностью согласен с идеей, добраться до катера и поскорее покинуть остров.

Чувство тревоги, которое оказывало на него гнетущее воздействие с того самого момента как он вступил на берег, никуда не исчезло, и это обстоятельство теперь указывало на то, что это ощущение не было связано с муравьиной горой.

«– Верь своим предчувствиям» – раздался уже знакомый, человеческий голос.

Это был голос Арнава, но когда Пьер попытался отыскать взглядом призрака, то его нигде не было.

Пьер почувствовал, что связь между его сознанием и царством королевы-матки начинала стремительно ослабевать, и прежде чем он потерял бы её окончательно, он задал вопрос, которого не ожидал сам от себя, но который оставался при нём на протяжении долгих лет.

– Скажи, что случилось с Альдой ДаВьер, с моей матерью?

Сперва, после того как он озвучил свой вопрос, какое-то время ничего не происходило, и Пьер уже начал думать, что ответа он так и не узнает, однако, к его величайшему удивлению, он вдруг увидел свою мать перед собой. Она находилась в воздухе, как если бы абсолютно не нуждалась ни в какой опоре. Она была одета равно в ту-же самую одежду, что и в тот день, когда Пьер, ещё будучи ребёнком, видел её в последний раз.

Женщина смотрела на сына и улыбалась. В лучах этой улыбки, Пьер вдруг понял, что он видит вокруг себя старый Витри-ан-Артуа, знойным летним днём, времён его далёкого детства.

Пьер наблюдал затаив дыхание за той сценой, которая не давала ему покоя всё его детство. Его отец, уверявший сына, что его мать погибла в несчастном случае, никогда не вдавался в детали произошедшего, отчего пламя воображения Пьера лишь разгоралось с новой силой, заставляя его придумывать мнимые обстоятельства и гадать над их предпосылками.

Теперь же, он видел свою мать, стоявшую на перроне, в ожидании прибытия поезда. Над перроном висела табличка с указанием маршрута поезда, на который пассажиры намеривались взойти. Это был поезд до Гордбергет, в Швеции. Пьер понятия не имел, что его мама могла делать в Швеции, так далеко на севере от родного Артуа, от своего мужа и сына.

Женщина стояла чуть в стороне от остальных людей. С ней было совсем не много вещей, один небольшой чемоданчик и ручная кладь. Она смотрела по сторонам, словно кого-то ожидала, и хотя на её лице играла улыбка, трудно было не заметить, что она была чем-то встревожена.

Пьер, наблюдая за передаваемым ему образом, не мог ощущать ни того ветерка, что трепал мамины локоны, ни запаха распустившихся лип, ни нежного тепла артуанского солнца.

Однако, наблюдая весь этот образ, он не мог не вспомнить эти ощущения на всех, доступных ему уровнях, на уровне обоняния, слуха и на тактильном уровне он ощущал прикосновение ветра и солнца, светящего в родном краю.

Вот к пассажирам подошли контролёры и принялись проверять посадочные талоны, это означало, что до прибытия поезда оставались считанные минуты. Люди принялись вынимать свои билеты, становясь вокруг контролёра и стремясь поскорее покончить с этой формальностью. Однако мама Пьера не спешила оказаться в этой небольшой толпе, в её руках так и не появилось ни одного необходимого документа. Вместо этого, она посмотрела на небольшие, дамские наручные часы на своём запястье, дабы убедиться, насколько их показания соответствуют данным вокзальных часов.

Наконец звук прибывающего поезда донёсся до ожидавших его людей, и несмотря на нетерпение некоторых пассажиров, все разом отступили на несколько метров от края платформы.

Мама Пьера принялась пристально вглядываться куда-то, откуда приходили люди, разбредаящиеся по перронам, было ясно, что она кого-то ждала. И в какой-то момент, на её обеспокоенном лице появилась выражение радости, сделавшее её улыбку насыщенной жизненным тоном и заставившее её глаза засверкать. Из толпы люди выделился один мужчина, одетый в элегантный серый костюм. Он был молод, на много моложе отца Пьера, и он подойдя к женщине, тут же обнял её, и это объятие говорило само за себя, не оставляя никаких надежд на то, что подобный жест мог иметь место между простыми знакомыми.

Женщина и молодой человек о чём-то разговаривали, мама Пьера буквально светилась радостью, и сам мужчина, наблюдавший за этим через толщу прожитых лет, прекрасно понимал происходящее на его глазах действо. Ему вдруг вспомнилось то, что его селективная детская память предпочла отложить в самые потаённые уголки. Он вдруг вспомнил, как часто мама и отец ссорились, ругались, пока он, напуганный больше своим неведением сути происходящего, нежели самим действием, прятался под столом с длинной, бархатистой скатертью.

Видение сменилось, теперь поезд уже готов был покинуть перрон, и многие из тех, кто столь нетерпеливо ожидали его прибытия, теперь прильнули к окнам и прощались с теми, кто их провожал, оставшись на перроне. На перроне осталась и мама Пьера. Женщина прощалась с молодым человеком, и она дождалась, когда последний вагон состава покинет Витри-ан-Артуа, и даже потом, она не спешила уходить, оставшись одна среди опустевших линий железнодорожных путей.

Затем Пьер увидел, как его мама, возвращаясь к выходу с вокзала, вдруг остановилась. На её лице отразился испуг, растерянность, перерастающие в настоящий, подлинный страх. Мужчине не пришлось долго гадать, чем были вызваны все эти эмоции. Напротив женщины появился мужчина, несколько старше её самой, в потрёпанном сюртуке, сутулый, с искажёнными злобой чертами лица, это был отец Пьера. Мужчина что-то кричал, женщина пыталась говорить что-то в ответ. Несколько раз, мужчина ударил женщину по лицу, обратив её попытки оправдать себя в бесконтрольный поток слёз. Сцену ссоры заглушал звук приближавшегося пригородного поезда, что следовал по пути, в нескольких метрах от разыгрывающейся сцены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.